

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

МАЙ — ЮНЬ.

- О КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЯХЪ И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ — СТАТІЯ ДѢЙСТ.
ЧЛ. А. А. ПОТЕБНИ 97—106.
О ДРЕВНОСТЯХЪ ЗАВОЛОЧЕСКОЙ ЧУДИ ПЕЧОРСКАГО КРАЯ — СТАТІЯ ДѢЙСТ. ЧЛ. Э. И.
ЭЙХВАЛЬДА 107—111.
ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ АРХЕОЛОГІИ: 1) БРОНТОЛОГІИ И АСТРОЛОГИЧЕСКІЯ ПРЕД-
ВѢЩАНІЯ, 2) ГЕРМЕСЪ ТРИМЕГИСТЪ — СТАТІЯ ДѢЙСТ. ЧЛ. А. Н. ПЫШИНА 112—119.
КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ: СТ. ДѢЙСТ. ЧЛ. А. Н. АФАНАСЬЕВА О СОЧИНЕНІИ FUSTEL
DE COULANGES'A — LA CITÉ ANTIQUE. 120—127.
СТАТІИ: ДѢЙСТ. ЧЛ. В. Е. ТИЗЕНГАУЗЕНА, П. И. ЛЕРХА И ЧЛ. ОСН. К. К. ГЁРЦА. 127—136.
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІИ — СТАТІИ ДѢЙСТ. ЧЛ. ГР. Е. П. ТЫ-
ШКЕВИЧА, П. И. ЛЕРХА, В. Е. ТИЗЕНГАУЗЕНА И ДР. (СЪ ЧЕТЫРЬМЯ ПОЛИТИКАЖАМИ). .. 137—144.

МОСКВА.
1867.

Основанный по мысли гр. С. С. Уварова въ 1834 году, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ того времени представилъ множество трудовъ и статей по разнымъ отраслямъ наукъ, трудовъ, къ которымъ и теперь обращается изслѣдователь за справкою и совѣтомъ или указаніями; но, богатый ученымъ содержаніемъ въ прежніе годы, «Журналъ» въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ находился въ періодѣ постояннаго—упадка, отклоняясь отъ серьезныхъ интересовъ науки и жертвуя ими интересамъ призрачнымъ, иногда даже канцелярскимъ. Къ счастью это паденіе—было временное, и съ текущаго года Журналъ М. Н. Пр. является снова достойнымъ органомъ успѣховъ науки вообще и русской въ особенности. Мы не можемъ не привѣтствовать такого возрожденія, тѣмъ болѣе, что оно не случайно, не мимолетно, а основывается на серьезной и благой мысли. Полугодіе нынѣшняго «Журнала» (6 №) представило уже едва ли не болѣе серьезныхъ статей по историко-филологическимъ наукамъ, чѣмъ прошлое его десятилѣтіе (въ 1857—1866); не останавливаясь на томъ, что не имѣетъ отношенія къ наукѣ древности, указываемъ только на любопытные и важные въ послѣднемъ отношеніи труды и замѣтки. № 1: «Карамзинъ, какъ историкъ»—ст. К. Н. Бестужева Рюмина, стр. 1-20, лучшая, какъ кажется—изъ торжественныхъ оцѣнокъ исторической дѣятельности Карамзина; стѣсненный предѣлами «Рѣчи», авторъ лишь въ немногихъ словахъ могъ коснуться археологическихъ и археографическихъ трудовъ Карамзина, сравнительно съ трудами его предшественниковъ; «Обзоръ матерьяловъ для изученія Славяно-русской палеографіи.—Ст. И. И. Срезневскаго, стр. 76—115, объ ней мы говорили уже въ Арх. Вѣс. стр. 85—6; «Сборники по народной русской словесности за 1866 годъ», ст. О. Ѳ. Миллера, стр. 173—217 и окончаніе ея въ № 3, стр. 618—676—прекрасное, столько же библиографическое, сколько и изслѣдовательное, обзорѣніе содержанія сборниковъ пѣсенъ, вышедшихъ отдѣльно или помѣщенныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ; многія заключенія автора кажутся намъ преждевременными, но это есть необходимое слѣдствіе современнаго состоянія разработки русской народной словесности: мысль всегда уходитъ далѣе, чѣмъ позволяли бы факты, еслибы они были правильно освѣщены и разработаны; въ № 2—любопытны замѣтки Ѳ. И. Буслаева и г. Макушева о новомъ изданіи [г. Тихонравова] Слова о Полку Игоревѣ, стр. 441—472: для критики текста этого произведенія—нѣкоторыя изъ нихъ не безъ значенія, другія же—требуютъ дальнѣйшихъ подтвержденій (напр. замѣтка на стр. 471), тоже должно сказать и о замѣчаніяхъ г. Н. Некрасова № 3, стр. 772—777; № 4—ст. г. Леонтовича—«Значеніе верви по русской правдѣ и Полицкому статуту сравнительно

съ задругою юго-западныхъ Славянъ» стр. 1—19, какъ юридическое изслѣдованіе, статья имѣетъ несомнѣнные достоинства, но она снова убѣждаетъ каждаго, что для изысканій въ области юридическихъ древностей недостаточно быть юристомъ, а необходимо быть и филологомъ, иначе едва ли можно достигнуть прочныхъ и многостороннихъ результатовъ; ст. г. В. Макушева «Древности Новаго въ Вокѣ Котерской», стр. 146—157, представляетъ сначала историческій очеркъ Новаго, краткое описаніе четвероевангелія приблизительно—14 вѣка (окладъ его—154 г.), хранящагося въ церкви Вознесеніе на Топлѣ, каталогъ рукописей, впрочемъ не древнихъ—монастыря Саввина, нѣкоторыя надписи на вещахъ, тамъ же находящихся, послѣднія—при всей своей скудости—сохранили намъ имена двухъ сербскихъ художниковъ 17 вѣка; № 5 ст. И. И. Срезневскаго: «о русскомъ правописаніи» письмо 1-ое, стр. 449—480, важна въ палеографическомъ отношеніи, такъ какъ правописаніе всегда является важнымъ признакомъ при опредѣленіи времени памятниковъ; въ первомъ письмѣ разсматривается характеръ первыхъ двухъ періодовъ русскаго правописанія, «изъ которыхъ одинъ окончился во времена Іоанна Грознаго, а второй—во время Петра Великаго, одинъ—введеніемъ книгопечатанія, другой—введеніемъ такъ называемой гражданской-азбуки», № 6 ст. К. Н. Бестужева Рюмина «О колонизаціи великорусскаго племени» стр. 776—784, написана по поводу этнографической выставки и при всей краткости своей любопытна для археолога: съ историко-этнографической точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ тотъ фактъ, который заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія и со стороны археологической: хотя въ этомъ отношеніи наука еще пока не владѣетъ матерьяломъ, достаточнымъ для общихъ прочныхъ заключеній, тѣмъ не менѣе многое извѣстное идетъ въ поддержку собственно историческихъ выводовъ, а иногда даже и расширяетъ послѣднія. Предполагая въ скоромъ времени осмотрѣть нѣкоторыя стороны этого предмета, мы не входимъ здѣсь въ дальнѣйшія разсужденія и ограничиваемся лишь указаніемъ на статью г. Бестужева Рюмина, какъ на прекрасное популярное изложеніе одного изъ важныхъ вопросовъ русской науки; ст. П. А. Безсонова «О славянскомъ народномъ пѣснотворествѣ», стр. 785—792—имѣетъ лишь одно достоинство, достоинство краткости, къ которой авторъ не пріучилъ насъ другими своими произведеніями, по характеру своему и содержанію—она не относится къ наукѣ, а скорѣе къ области поэзіи, а потому и присутствіе ее на страницахъ серьезнаго органа науки—ничѣмъ инымъ, кромѣ случайныхъ обстоятельствъ—объяснено быть не можетъ.

Вотъ перечень важнѣйшихъ, касающихся—прямо или косвенно—науки древности, статей новаго Ж. М. Н. Пр. за полугодовое его существованіе. Смѣло надѣемся, что и въ будущемъ намъ предстоитъ указывать на такое же, если не большее, богатство.

1950₂

81.
 БИБЛИОТЕКА
 НИИ-та Краеведческой
 и Музейной работы

В-370

1965 г.

О КУПАЛЬСКИХ ОГНЯХЪ

И СРОДНЫХЪ СЪ НИМИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ.

Значеніе, придаваемое народомъ купальскимъ кострамъ, видно изъ слѣдующаго. Около Пожеги въ Славоніи, кто выше скачетъ черезъ огонь, у того будетъ лучше урожай пшеницы и всего прочаго, и ленъ будетъ выше (Pić, Narodni slaven. obiĉ. Zagreb. 1846. 164). Въ Бр. на канунъ Ивана, по заходѣ солнца, вбиваютъ коль въ землю, обкладываютъ его соломой и коноплями, а на самый верхъ кладутъ пукъ соломы, называемый купало. Потомъ зажигаютъ этотъ костеръ и бѣгаютъ вокругъ него, бросая въ него березовыя сучья и приговаривая: «кобъ мой ленъ такъ великій бывъ, якъ етая фарастина!» (Терещ. V, 75—6). Такъ и въ Чехахъ скачутъ какъ можно выше черезъ огонь, чтобъ родились конопля (Haniš. Kalendař bajesl. 187). По Дравѣ головни изъ Ивановскаго костра и остатки факеловъ разносятъ и бросаютъ по полямъ и огородамъ, чтобъ насѣкомыя не портили капустной разсѣды и посѣвовъ (Pić. 164). Изъ этихъ и подобныхъ свидѣтельствъ видно, что купальскіе огни имѣютъ отношеніе къ урожаю.

Въ разныхъ мѣстахъ по сей бокъ Днѣпра соблюдается слѣдующій обычай. Подъ Ивана дѣвки, срубивши дерево чернокленъ, вбиваютъ его въ землю на игрищѣ. Потомъ дѣлаютъ изъ соломы чучело (ляльку), одѣваютъ его по женски въ юбку, корсетку и пр., навѣшиваютъ на него свои кресты и наместа и сажаютъ подъ деревомъ. Кукла эта, какъ мнѣ положительно извѣстно, въ харьк. г. называется мареною (Скр. маранам (ср. р.), смерть), между тѣмъ, какъ по словамъ Терещенка (V, 79) и Маркевича (Обычаи и пр. 10) Мареною называется чернокленъ, а кукла — Купаломъ. Не сомнѣваясь въ вѣрности этихъ послѣднихъ извѣстій, можно однако видѣть въ нихъ позднѣйшее искаженіе обряда. У Тер. на слѣдующей стр. (V, 80) говорится, что чучело, называемое Купаломъ, одѣваютъ какъ женщину, въ очипокъ, ленты, наместо. Изъ этого слѣдовало бы, что Купало есть женщина, чему противорѣчатъ нѣкоторые извѣстія.

Въ Харьк. г. передъ вечеромъ дѣвчата подъ чернокленомъ накрываютъ столъ, наготовятъ яичницъ и млинцовъ, хлопцы принесутъ водки, ѣдятъ и пьютъ. Потомъ дѣвчата поснимаютъ все свое съ Марены и несутъ ее топить вмѣстѣ съ чернокленомъ ¹⁾. Это дѣлается передъ вечеромъ, а костры зажигаются по заходѣ солнца. Въ другихъ мѣстахъ втыкаютъ въ землю чернокленъ, обвѣшанный вѣнками и лентами, ставятъ возлѣ него Купала (т. е. куклу) и невдалекѣ разводятъ огонь (Марк. ib.) Въ третьихъ—чучело обкладываютъ кучей соломы съ крапивой и зажигаютъ. Черезъ этотъ огонь скачутъ и поютъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло моє водила Купала,
Гратиме сонечко на Івана.
Та купався Іванъ, та въ воду упавъ,
Купала підъ Івана! (Терещ, V, 80)

Въ Волг. у Харьк. г., когда водятъ танокъ около марены, сидящей подъ деревомъ, эту пѣсню такимъ поютъ образомъ:

Ходили дівочки коло Мареночки,
Коло Володимеря Купала,
Играло сонечко на Івана... ²⁾

¹⁾ При этомъ поютъ:

Якъ пішла Ганна до броду по воду,
Ганно моя, панно моя!
Ягодо моя червоная!
Та стала Ганна на всхитки гладки,
Ганно моя и пр:
Кладка схитнулася, Ганна втонула.
Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усімъ заказала:
«Не беріте, люде, у броду води,
Що й у броду вода, то Ганнина врода,
Не ловіте, люде, у Дунаї риби,
Що въ Дунаї риба, то Ганнина тило.
Не косіте, люде, по лукахъ трави,
Що по лукахъ трава, то Ганнина коса.
Не ломліте, люде, по лугахъ калины,
По лугахъ калина, то Ганнина краса.

Отношеніе этой пѣсни къ топленью Марены совершенно не ясно. Можно сказать только, что попытка найти въ Ганнѣ царевну Анну, основанная на томъ, что въ другой купальской пѣснѣ упоминается о Володимерѣ, не ведетъ ни къ чему.

²⁾ Тотъ же припѣвъ послѣ каждого стиха въ слѣд. пѣснѣ:

Ишли дівочки въ лісъ по ягідочки.
Коло Володимеря и пр.
Та припало дівкамъ та Дунай пливсти,
Та Дунай-море пливсти, річеньки брести.
Та всі дівочки въ плахтахъ шовківгахъ,
Дівка Оленка (имя присутствующей здѣсь сироты)
въ плахті чернітці.

Этой пѣсни нельзя понимать такъ, что танокъ ходитъ около Марены и около Купала, п. ч. «коло Володимеря и пр.» есть припѣвъ, неимѣющій грамматической связи съ первымъ стихомъ, точно такъ, какъ и въ приведенной въ выносѣ пѣснѣ «Ишли дівочки». Самый припѣвъ можно понимать различно. Коло «Володимеря» можетъ быть обозначеніемъ мѣстности, гдѣ совершается обрядъ Купала; подобно этому въ другой купальской пѣснѣ припѣваютъ:

... Въ чистімъ полі роса пала,
На улиці -- Купала на Йвана!

Во вторыхъ, такъ какъ въ Укр. основное Русское твердое р можетъ неорганически смягчаться, то «Володимеря (т. е. Володимера) можетъ быть не притяжательнымъ, обозначающимъ мѣстность, а эпитетомъ Купала. Купало можетъ быть названъ Володиміромъ, т. е. володѣющимъ міромъ, княземъ, подобно тому, какъ въ заговорѣ, приводимомъ г. Максимовичемъ, мѣсяць (князь, *xiężyc*) названъ Володимеромъ.

Очень не достаточны свѣдѣнія о Болгарскомъ обрядѣ, подобномъ выносу Марены: «на Енѣвъ день» дѣлаютъ куклу изъ разныхъ старыхъ платьевъ или изъ соломы, дѣвушки и парни носятъ ее, какъ покойника, а другіе идутъ за ними, что то говорятъ и поютъ пѣсни (Каравеловъ, Пам. нар. быта Болгаръ I, 234). Можетъ быть эта кукла изображаетъ мужчину, и въ такомъ случаѣ ср. похороны Ярилы (Терещ. V, 100 слѣд.) и смерть Кострубоньки — Костромы (Zeg. Pauli I, 21—2, Основа 1861. 11 кн. Свидницк. Великдень 51)

Какъ бы то ни было, но народъ связываетъ топленье или сожиганье Марены — Смерти и купальскіе костры. Зажиганье костровъ и прыганье черезъ нихъ имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ враждебной силы болѣзни, смерти и связанныхъ съ послѣднею миѣическихъ существъ. Въ Краинѣ малыхъ дѣтей, которыя сами прыгать не могутъ, матери переносятъ черезъ огонь, для здоровья. На границѣ между

Та всі дівочки Дунай перепливали,
Дунай перепливали, річки перебрели;
Дівка Оленка въ Дунаї втонула.
Якъ пришла слухи та до мачухи:
«Ой не жаль мені дівки Оленки,
«Ой та жаль мені плахти чернитки!

Потомъ повторяется тоже, но вм. 5 ст. «Дівка Явдошка (у которой есть родная мать) въ плахти шовківці», а вм. 3-хъ послѣднихъ ст.

Якъ прийшли слухи та до матінки:
«Ой не жаль мені плахти шовківки,
«Ой та жаль мені дочки Явдошки!»

Смысль пѣсни тотъ, что лучше родная мать, чѣмъ мачиха; подобно этому въ нѣсколькихъ другихъ купальскихъ пѣсняхъ: лучше отецъ, мать чѣмъ свекоръ, свекровь и весь мужниинъ родъ.

Замѣтимъ выраженіе «Дунай. -- море» Общеизвѣстно, что сл. море имѣло нѣкогда болѣе широкое зн., чѣмъ теперь, но незнаю, было ли вѣкъ указано, что и у насъ сохранились слѣды такого значенія: о ратныхъ Игоря Святославича и братья: «пошахутъ (сказывали) Русь (т. е. Руси) съ 15 мужъ утекши, а Ковуемъ миѣе, а прочіи въ морѣ истопоша (Ип. Л. 132)»; но моря тамъ не было, а были рѣчки. Въ этомъ, болѣе широкомъ, смыслѣ слѣдуетъ, кажется, понимать сл. море и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сл. о П. И.

Штирією и Каринтією утромъ 24 Іюня собираютъ золу купальскихъ костровъ и ею лѣчатся отъ всякихъ болѣзней. Около Пожеги говорятъ, что самые огни въ ночь на 24 Іюня прогоняютъ разныя болѣзни, особенно головную боль и моровую язву. Во время заразы одна женщина зажгла костеръ и въ отчаяніи бросилась въ него. Ее спасли и вмѣстѣ съ тѣмъ Куга, испугавшись горящаго костра, ушла изъ села (Піс 165—7). У Литовцевъ, Чеховъ (Hapuš kalend. 187) и Великоруссовъ (Терещ. V, 78) на Купала не только скачутъ черезъ огонь (или его замѣны: кучи крапивы, шиповнику); но и перегоняютъ черезъ него скотъ. Это сближаетъ купальскіе костры съ Нѣм. «Notfeuer» во время падежа (Grimm myth. 570 слѣд.) и сожиганьемъ коровьей смерти у Вр. (Тер. VI, 42), личности тождественной съ Мареною или Марою, которую сожигаютъ или топятъ въ началѣ весны (Тер. V, 8 — 9, 10) или на Купала.

У Хорватовъ и Сербовъ вѣштицы боятся остатковъ купальскихъ огней, и потому, чтобы преградить имъ входъ въ село, люди втыкаютъ огарки Ивановскихъ факеловъ въ плетни (Піс 164). Въ Мр. на Купала раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ крапиву (замѣну огня) и папоротникъ, чтобъ вѣдьмы и вовкулаки не ходили по хатамъ и скотнымъ дворамъ (Тер. V, 87).

Давно уже предполагаютъ, что Купальскіе и другіе имъ подобныя огни имѣютъ силу давать урожай и прогонять смерть не сами по себѣ, а потому, что изображаютъ солнце. Исслѣдованія Куна, почти цѣликомъ примѣнимыя и къ Славянской мифологіи, даютъ прочныя основанія этому предположенію.

Для возстановленія древней формы мифа, лежащаго въ основаніи Купальскихъ обрядовъ и повѣрій обратимъ вниманіе на слѣдующее.

Во первыхъ всѣ солнечныя праздники (по Русс. повѣрью, Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Свѣтлое Воскресеніе, Иваново Рожденіе. Даль, Посл. 1003) ознаменованы игрою Солнца. У Болгаръ на Енѣвъ день солнце пляшетъ, кружится, вертитъ двумя саблями, которыя держитъ въ рукахъ (Карав. 234), у Вр. на Ивановъ день солнце, проѣзжая по небу въ колесницѣ, пляшетъ и разсыпаетъ по небу искры, что впрочемъ можно замѣтить только при его восходѣ (Тер. V, 75). Въ Силезіи солнце играетъ въ день Sobótek. Дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, называемыя Słończeta, выходятъ съ ними на зарѣ въ поле и, положивши ихъ на чистый бѣлый платокъ, пляшутъ вокругъ и приговариваютъ *graj słońce, graj, tutaj są twoje słończeta*. Потомъ, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками, такъ чтобы подарить ими всѣхъ близкихъ своихъ (Срезн. объ обож. солнца, 40. Ж. М. Н. Пр. 1846. т. 51). ¹⁾ Въ Тульск. г. на канунъ Петрова дня поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. При восходѣ солнца всѣ начинаютъ испускать радостныя крики. Старики наблюдаютъ, какъ солнце играетъ

¹⁾ Другое значеніе придается особеннымъ движеніямъ солнца на Ив. день у Сербовъ и Хорв.: «Приповиједају да је Иванъ дан тако велики светац, да на њего сунце на небу трепут до страха стане» (Карадж. Рјечн. Піс 167).

по небу: оно то покажется, то спрячется, то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ, то заблещетъ разными цвѣтами, голубымъ розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно (Сахар. II, 7, 41—2). Едва появится солнце, его привѣтствуютъ хоромъ:

Ой ладо, ладо! и пр. (Тер. VI, 48)

Одна Мр. купальская или петровочная пѣсня начинается такъ: «Изъ за гори Сонечно йде й грає», на Свѣтлое Воскресенье играетъ солнце, и это обнаруживается черезъ сотрясеніе его лучей. Многіе, чтобъ видѣть, какъ оно играетъ, взлѣзаютъ на самыя высокія зданія (Тер. VI, 103). Точно такъ солнце играетъ, т. е. вертится, катается по небу, раскидываетъ лучи и собираетъ ихъ вновь, и на Благовѣщеніе (Тер. VI, 23). Во всѣхъ этихъ описаніяхъ играть значитъ: 1) плясать, кружиться, 2) ярко свѣтить, какъ и въ слѣд. Серб. пѣснѣ, въ коей «играјући» противопоставляется слову похмо ло (пасмурно):

Синоћ сунце играјући заће,
А јутроске пошмолло изаће.
Што по синоћ играјући заће,
Оно Јово мајци с војске доће,
А што јутрос пошмолло изаће,
Оно-ѿ Јово мајци разболѣо (Кар. Пјес. I, 486.)

Основное а, ја ослабляется въ и: Скр. агра-м, верхушка, конецъ, остріе = во всемъ кромѣ рода = Слав. игла; Ст. сл. изокъ, кузнечикъ (потомъ — мѣсяць іюнь) ср. съ скр. аджа-с, аджа, козелъ, коза, откуда уменьшитель. аджакъ, маленькая коза (кор. адж-ати = агере идти, гнать); мѣст. инъ по корню = Скр. анја; ст. Сл. Серб. имела (омела) = Скр. а-малъ т. е. безъ пятенъ, бѣлая (Ср. *viscum album*). Слав. истъ, истовъ, истина (то что есть) — кор. ас; по аналогіи съ чеш. *obudli*, жилье, и буда (кор. бһу, быть), къ тому же истъ отъ ас можно отнести и сл. истъба, истъба, которое Миклошичъ считаетъ заимствованнымъ съ нѣм. *stupa*, *stoba* (*stube*), а другіе, совершенно неправильно ссылаясь на уменьш. истобка, истопка, производятъ отъ топить; слав. им-ж, лит. *іши*, кор. *јам*; икра, лит. *ікраі*, *и* (м. р. мн. ч.), тоже, *јекнос*, *и* (ж. р. мн. ч.), печень = Скр. *јакрт* (въ друг. фор. *јакан*) = *јесир*; Сивый = Скр. *сјаба*, *fuscus*. Согласно съ этими примѣрами сл. иг-ра предполагаетъ кор. *јаг*, который находимъ въ Скр. въ формѣ *јадж* (*јаджати*, пр. сов. *и-јаджа* съ и изъ *ја*, какъ и въ нѣкоторыхъ др. формахъ) со значеніемъ: приносить жертву, жертвою чтить боговъ. Отсюда легко могло образоваться значеніе пѣть (Вр. играть пѣсню) и плясать (первоначально объ обрядныхъ пѣсняхъ и пляскахъ). Значеніе блистать могло появиться только отъ примѣненія слова играть къ пляскѣ солнца.

Солнце пляшетъ, именно вертятся какъ жорновъ или колесо: въ страстную пятницу восходящее солнце «јако бѣһоун млынаѣску (*svrchni kamen*) kolem sebe точі (Ноишка, *pověry* 332);

V poledne, s poledne slunečko kolem jde

(Суш. Мор. нар. пісн. 444);

Jož to slonyčko kolem de,
 Jož se nám blíží poledně (ib. 557);
 Солнце колесомъ у гору идзець (Тер. II, 470).

Какъ у другихъ Индоевропейскихъ племенъ, такъ и у Славянъ солнце не только сравнивалось съ колесомъ, но и дѣйствительно представлялось имъ. Ср. Скр. сŷrjas-ja чакрамъ, греч. ἡλίου ῥόλος, сканд. fağrahvel (прекрасное, свѣтлое колесо), sun-ни hvel (колесо солнца) съ Mr. названіемъ солнца кроковымъ колесомъ (т. е. цвѣту оранжеваго «жовтогарячаго» цвѣтка крокоса, довольно обыкновеннаго въ мр. садахъ, или цвѣту шафрана):

Кроковое колесо
 Вище тину стояло,
 Много дива видало.
 Чи бачило колесо,
 Руди нелюбъ поїхавъ? и пр.

Отсюда понятно, почему въ разныхъ мѣстахъ Германіи Ивановскіе костры, по предположенію изображающіе солнце, замѣняются сожиганьемъ колеса, обвитаго соломою. Колесо это мѣстами втыкается на шесть и такъ сожигается, мѣстами зажженное скатывается съ горы (такъ и у хорутанъ, Naniš kalend. 186) или подбрасывается вверхъ. По этому колесу, какъ по изображенію солнца, гадаютъ объ урожаѣ: въ Лотарингіи, если зажженное колесо не потухло на серединѣ горы, и горя скатилось въ рѣку, то это служитъ предвѣстіемъ хорошаго сбора винограда (Grimm Myth. 586).

Во вторыхъ, въ Ладогѣ огонь для купальскаго костра (живой огонь, лѣсной огонь, царь-огонь, лѣкарственный) добывался или теперь добывается посредствомъ тренія (Сах. ск. Р. н. II, 7, 39). Хотя извѣстія о такомъ добываніи Ивановаго огня довольно рѣдки сравнительно съ такими же извѣстіями объ огняхъ во время мора и падежа (Даля посл. 1055, Gr. Myth. см. potfeuer), но можно считать несомнѣннымъ, что не иначе добывались всѣ огни, имѣющіе отношеніе къ солнцу. Самый способъ тренія опредѣляется Сербскимъ названіемъ живаго огня: извити огонь, т. е., какъ кажется, добытый посредствомъ витья, крученья, а не простымъ треніемъ одного куска дерева о другой. Такъ какъ солнце есть колесо, то Нѣмецкія свидѣтельства, что живой огонь (potfeuer) получали, вертя колесо вокругъ оси (Gr. Myth. 571) не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что этотъ огонь, подобно всѣмъ праздничнымъ, особенно купальному, изображалъ, какъ зажигается небесное колесо, солнце. Этимъ объясняется происхожденіе повѣрья о томъ, что солнце пляшетъ, т. е. кружится подобно колесу или жернову.

Изъ вышеприведенныхъ извѣстій о томъ, что солнце вертится колесомъ именно при самомъ восходѣ, можно заключить: во первыхъ, что по первоначальному представленію солнце вновь зажигалось каждое утро и что только впоследствии это воспламененіе и пляска солнца были приурочены къ извѣстнымъ днямъ въ году; во вторыхъ, что солнце каждый день потухало при закатѣ. Кромѣ этого есть основанія ду-

мать, что и у Славянъ, какъ у Индійцевъ, солнце гасло и днемъ, когда скрывалось за темною, бурною тучею; оно вновь зажигалось огнемъ молніи. Купальскій костеръ, изображающій солнце, имѣетъ въ тоже время отношеніе къ грозѣ. Какъ, по правилу *similia similibus curantur*, держать въ домѣ громовую стрѣлу (чортовъ палець) для предохраненія себя отъ громоваго удара (Ноишка, *rov. III, 182*), какъ съ тою же цѣлью во время грозы зажигаютъ громницу, страстную или Богоявленскую свѣчу, изображающую огонь молніи (Шейков. Бытъ Подолянъ II, 22. Поль. *gromnica*, чеш. *hromnice svѣча*, освященная 2 февр. *Hanuš kalend.*); такъ въ чехахъ во время грозы жгутъ частицы купальскихъ вѣнковъ, головни и уголья изъ купальскаго костра выносятъ на засѣянные поля, на луга и въ сады и втыкаютъ подъ крыши строеній, чтобъ громъ не повредилъ урожаю и не ударилъ въ жилье (*Sumlork II, 325*). Какъ громницею въ Мр. выжигаютъ въ чистый четвергъ кресты на воротахъ и дверяхъ, чтобъ удалить дьявольскую силу, враждебную людямъ и громовому божеству (Тер. VI, 99), такъ и остатками купальскихъ факеловъ и костровъ прогоняютъ вѣштицъ вѣдьмъ, вовкулакъ. Объясненіемъ такой связи костра (т. е. солнечнаго колеса) и грозы служить слѣдующее. У Инд. Индра во время битвы съ демономъ тучи (т. е. во время грозы) сталкиваетъ солнечное колесо въ облачную гору. Хотя въ Ригведѣ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ того, что при этомъ солнечное колесо гаснетъ, но это само собою разумѣется. п. ч. гора, въ которой исчезаетъ солнце, содержитъ въ себѣ воду. За тѣмъ Индра, убивши демона при помощи Кутсы (другая форма самого Индры, т. е. громовой стрѣлы), возвратилъ смертнымъ небесное свѣтило, т. е. по всей вѣроятности зажигалъ его вновь. Это происходило такимъ образомъ. Индра или Кутса вертѣлъ кусокъ (скр. *прамантѣна*, тотъ кусокъ дерева, которымъ вертятъ другой для полученія огня) въ ступицѣ солнечнаго колеса. Сначала всѣ усилія напрасны: загорается только *прамантѣна* и вылетаетъ изъ ступицы (это и есть перунъ); но наконецъ воспламеняется и само колесо, и буря проходитъ. Явственный слѣдъ связи громовой стрѣлы (вѣрнѣе въ этомъ случаѣ—громоваго ствола или клина) и солнечнаго колеса виденъ въ томъ, что Агни, снаряжая Вишну (въ Ведахъ это несомнѣнно солнечное божество) въ бой, даритъ ему *ваджранâbhân чакран*, т. е. колесо, въ ступицѣ котораго—перунъ, колесо, отъ обращенія коего вылетаетъ изъ ступицы громовая стрѣла (*Kuhn Negabk. 65—6, 68*).

И такъ изъ всего сказаннаго видно, что человѣкъ, объясняя отдаленное близкимъ, неизвѣстное извѣстнымъ, считалъ солнце за горящее колесо, зажженное такимъ же самымъ образомъ, какимъ зажигается оно на землѣ. Такое объясненіе принадлежитъ относительно позднему времени. Оно доказываетъ, что Аріицы до раздѣленія на племена обладали запасомъ механическихъ свѣдѣній, достаточнымъ для того, чтобъ сдѣлать колесо, что имъ былъ извѣстенъ возъ, хотя бы и самой грубой формы, что стало быть были у нихъ и животныя, тянущія возъ. Все это, впрочемъ, извѣстно изъ другихъ источниковъ. При томъ зажиганье небеснаго колеса предполагаетъ уже человекообразное существо, вертящее колесо или *праманту* въ колесѣ; но антропоморфизмъ есть, какъ извѣстно, явленіе позднѣйшее. Какъ же объяснялся небесный огонь, тогда когда не было извѣстно колесо и когда мысль еще не дозрѣла до созданія человекообразныхъ божествъ?

Куна думаетъ, что первоначальный способъ добыванія огня былъ указанъ самою природою. Предкамъ Арійскихъ племенъ совершалось это откровеніе въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Человѣкъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими и чужеядными растеніями, теръ твердый сукъ объ высохшую лѣяну, какъ отъ тренія рождался огонь, и сталъ рабски подражать этому. Слѣды такого подражанія сохранялись весьма долго. Между тѣмъ какъ въ позднѣйшее время, напр. у Славянъ, для добыванія огня считались пригодными два куска любого мягкаго дерева, напр. липы (Кар. Рјечн. живи огань, извити огань),—у Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ одинъ изъ этихъ кусковъ дѣлался непременно или преимущественно изъ ползучаго или чужеяднаго растенія: у Индійцевъ, изъ асваттха самигарбха, т. е. изъ священной смоковницы (*figus religiosa*), выросшей на сами (*acacia suma*); у Грековъ—изъ ползучаго или чужеяднаго раст. *ἄθραχύνη*, что по догадкѣ Куна значитъ: рождающая огонь (Зенд. âтаръ, огонь); у Римлянъ, по словамъ Плинія, «*nihil edera praestantius, quae teratur... probatur et vitis silvestris... ederae modo arborem scandens*. Климатическое различіе странъ, заселенныхъ этими племенами, заставило употреблять различныя растенія; но общее сходство при этомъ сохранилось.

Самый способъ тренія могъ быть указанъ природою. У Инд. Грековъ и Герм. твердый кусокъ дерева (греч. *τρούπανον*), подобно бураву, вертѣлся въ другомъ. Судя по этому и при рожденіи лѣснаго огня, вѣроятно, былъ замѣченъ именно тотъ случай, когда сукъ одного дерева попадалъ въ отверстіе другаго. Позднѣйшій способъ добыванія огня посредствомъ колеса сохраняетъ то общее съ болѣе древнимъ, что какъ въ первомъ ось вертится въ маточинѣ, или на оборотъ колесо вращается вокругъ оси, такъ во второмъ буравъ (*τρούπανον*) вертится въ нижнемъ, кускѣ дерева (*ἔσχαρα*).

По вѣрованію восточныхъ и западныхъ азійскихъ Арійцевъ и Германцевъ, на небѣ тоже есть дерево. Первоначально это есть представленіе облаковъ, расположенныхъ подобно вѣтвямъ огромнаго дерева. Безъ сомнѣнія и у Славянъ было дерево, соотвѣтствующее священному ясеню германцевъ (Сканд. *Yggdrasil*), коего вѣтви превышали небо, корни спускались къ жилищамъ Гримтурсовъ, смерти (*Hel*) и людей. Для насъ важны три черты германскаго міѳа: на вершинѣ священнаго ясени сидитъ орелъ, роса падающая съ его вѣтвей питаетъ пчелъ, змѣи подѣдаютъ его корни. Последнюю черту ср. съ упоминаемымъ въ Слав. сказкахъ деревомъ, которое перестаетъ приносить золотые, дающіе молодость плоды, п. ч. змѣй или червь гложетъ его корни; первыя двѣ находимъ въ слѣдующихъ колыдкахъ.

Хозяину: Стоить соснойка середь дворойка,
Ей въ тій соснойці троякий хосень ¹⁾:
Ей отъ кореня — жовти лишойки ²⁾
А въ середині — яри пчілойкі,
А підъ вершейкомъ сиви соколи.

¹⁾ Польза, корысть.

²⁾ Лясицы.

Поносяться ¹⁾ жовти лишейки,
 Же їх доходять панські хортойки;
 Поносяться яри пчілойки,
 Же их доходять буйни ручейки,
 Поносяться сиви соколи,
 Же їх доходять дуйни вітрове,
 Дуйни вітрове, дрібни дожджове.

(Голов. Пѣсни II, 3)

Хозаяйкѣ. Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ
 Стоїть мі стоїть зелений явіръ,
 А въ тимъ яворі три користоньки:
 Єдна мі користь въ верху гніздонько,
 Въ верху гніздонько, сивъ соколонько;
 Друга мі користь а въ середині,
 А въ середині, въ борти пчолоньки;
 Третя мі користь у корінька
 У корінька чорні бобри.
 Сивъ соколонько — пану на славу,
 Ярі пчолоньки — Богу на хвалу,
 Чорні бобри та на шубоньку
 Та на шубоньку господинові.

(ib. 51 — 2)

Здѣсь прославляється богатство и величіе хозяевъ, изображенное тѣмъ, что все, что есть на всемірномъ деревѣ и у его кореневъ, все служитъ имъ на пользу и гордится этимъ. По скандинавскому сказанью, подъ всемірнымъ деревомъ пасется коза и нѣсколько оленей; о лисицахъ и бобрахъ въ немъ не упоминается. Въ слѣдующей колядкѣ дерево, очевидно то самое, о которомъ говорятъ двѣ первыя, названо райскимъ:

Ой долівъ, долівъ, долівъ луженьки,
 Идуть долівъ ними бистрі річеньки.
 Ой плине-жъ, плине райское древце,
 Райское древце зъ трома вершечки:
 Въ однімъ вершечку — сивъ соколонько,
 Въ другімъ вершечку — сива кунонька,
 Въ третімъ вершечку сивъ ластовлята:
 Ой не є-жъ тото сивъ соколонько,
 Але є-жъ тото господаренько;
 Ой не є-жъ тото сива кунонька,

¹⁾ Гордятся. Ср. Серб. поносити се съ тѣмъ же значаніемъ.

Але є-жъ тото бо й газдиненька;
 Ой не є-жъ тото сивъ ластовлята,
 Але є-жъ тото єі дитята (ib. 30—1).

Не ясно, почему это дерево представляется плывущимъ. Замѣчательно, что и свадебное «деревце» называется раемъ; когда «обирають деревце» (укр. вільце вьють), поють:

Колесомъ, колесомъ въ гору солнце йде;
 Въ нашій (род. п.) Маруні рай ся вѣе.
 «Марусенько дівонько!
 «Хтожъ тобі той рай давъ?
 Давъ мені Бігъ и Батенько мій (ib. II, 102)

Предположивши, что первое значеніе слова рай есть дерево, можно отнести это сл. къ скр. кор. ар, со значеніемъ возвышаться, стремиться вверхъ ¹⁾. Значеніе paradisus могло, конечно, войти въ языкъ вмѣстѣ съ переводомъ св. писанія, но можетъ быть и до христіанства сл. рай въ частности обозначало небесное дерево.

Во 2-й изъ приведенныхъ колядокъ небесное дерево названо яворомъ. Съ этимъ ср. Польскую колядку:

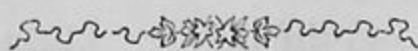
Na śród dworu jawor stoi,
 Na jaworze złota rżesa.
 Przylecieli rajskie ptaszęta
 I obtrzęsli złote rżesy

а величаемая дѣвица собрала это золото (Zeg. Pauli, P. L. p. 5). По слѣдующему повѣрью, яворъ оказывается священнымъ деревомъ, имѣющимъ какое-то отношеніе къ солнечному празднику, дню Петра и Павла: «на Буковинѣ видали, что чортъ, одѣтый по Нѣмецки, рубилъ яворъ въ день Св. Петра и Павла. Каждый, кто послѣ него рѣшался рубить то же дерево, непременно калѣчился и оставлялъ работу. Въ горахъ есть много такъ намѣченныхъ яворовъ, и горцы боятся ихъ рубить, особенно въ первые дни послѣ Петра и Павла (Siemieński, pod. i Leg. 114).

И такъ на небѣ тоже есть дерево. Отъ тренія его вѣтвей и сучьевъ происходитъ небесный огонь. Молнія, падающая на землю, есть зажженная вѣтка этого дерева. Возможно, что такимъ же образомъ объяснялся и солнечный огонь, но на это Кунъ не находитъ прямыхъ указаній.

А. Потебня.

[Окончаніе слѣдуетъ].

¹⁾ Хотя этотъ корень легко могъ принять форму и р, однако, можетъ быть, другое, несомнѣнно языческое, названіе ра я, и р ѣ и («и сему ся подивуемы, како птицы небесныя възъ ирѣя идуть» Лавр. 101), Mr. в и р і й, род. в и р ѣ я, относится, м. б., и не къ нему, а если и къ нему, то не непосредственно. Можно напр. независимо отъ окончанія, сблизить это слово съ Скр. ирѣ, жидкость, питье, вода, при чемъ ирей значилъ бы: небесная вода, потомъ небо вообще. Со стороны значенія такое сблизженіе не лишено вѣроятности между прочимъ потому, что по Вр. пѣснямъ птичье царство (ирей)—на морѣ, т. е. на небѣ, въ в и р ѣ.

О ДРЕВНОСТЯХЪ

ЗАВОЛОЧСКОЙ ЧУДИ ПЕЧОРСКАГО КРАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я сообщилъ Русскому Географическому Обществу свѣдѣнія о бронзовыхъ древностяхъ, найденныхъ въ Печорскомъ краѣ по берегу р. Печоры, при устьѣ р. Соплясы. Жители этого края называются нынѣ Зырянами, а у древнихъ Новгородцевъ они назывались Заволочской Чудью. Это послѣднее названіе присвоено имъ еще въ доисторическое время. Уже Геродотъ, въ пятомъ вѣкѣ до Р. Х., описывалъ подробно Чудь сѣверной и южной Россіи подъ именемъ Скиѳовъ, названіе, которое безъ сомнѣнія произносилось у Грековъ, какъ слово Чудь.

Чудь была прежде могущественный народъ, первоначально кочевавшій по всей Россіи, и успѣшно воевавшій съ Даріемъ, царемъ Персидскимъ. Она раздѣлилась впослѣдствіи на разныя племена, изъ которыхъ у Страбона, Греческаго географа около Р. Х., именуются, какъ воинственные и торгующіе народы, Аорзы или Эрзы нашихъ временъ и Зыраки или Зыряне нынѣшней сѣверной Россіи. Но въ теченіи времени Чудь т. е. Скиѳы ослабѣли и были вытѣсняемы все болѣе къ сѣверу, гдѣ наконецъ сдѣлались осѣдлыми.

По свидѣтельству Страбона Аорзы вели значительную торговлю съ Мидійцами, чрезъ Кавказскій хребетъ. Они взамѣнъ Уральскаго и Алтайскаго золота получали отъ Мидійцевъ рѣдкія вавилонскія ткани и привозили ихъ царскимъ Скиѳамъ Крымскаго полуострова и южной Россіи.

Сверхъ того, на отдаленномъ сѣверѣ Европейской Россіи въ Геродотовъ вѣкъ обитали Андрофаги или нынѣшніе Самоѣды, которые, живя совершенно уединенно, имѣли только нѣкоторыя сношенія съ западною Чудью въ Финляндіи и по этому у обоихъ этихъ племенъ встрѣчаются каменные и мѣдные орудія въ нѣдрахъ земли, хорошо сохранившіяся до нашихъ временъ и указывающія на первое умственное развитіе Финскихъ племенъ въ самой глубокой древности.

Андрофаги сѣверной Россіи въ этомъ отношеніи могутъ быть сравниваемы съ Кельтами, которые были современниками каменнаго вѣка. Не зная еще тогда употребленія металловъ, они умѣли только обрабатывать камни или твердыя горныя породы и приготавливать изъ нихъ всѣ свои домашнія орудія.

При наступленіи бронзоваго вѣка явились на сѣверѣ Россіи Зыряне и, вытѣснивъ Андрѣаговъ еще болѣе къ сѣверу, захватили всю торговлю пушными товарами, такъ какъ Зыряне принуждены были уступить прежнюю свою торговлю Уральскимъ золотомъ и мѣдью—Алтайской Чуди, которая въ то отдаленное время вела эту торговлю съ Греками въ Пантикапеевъ и въ другихъ мѣстахъ Крымскаго полуострова.

Весьма понятно, почему Андрѣаги или нынѣшніе Самоѣды имѣли одни каменные домашнія орудія и тѣ еще въ самыхъ простыхъ формахъ, указывающихъ на едва развитыя у нихъ художества. Они не имѣли ни какого сообщенія съ болѣе образованными народами южной Россіи и не могли усовершенствоваться въ искусствахъ.

Напротивъ того, Заволочская Чудь или нынѣшніе Зыряне, по своимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ Мидійцами и Греками, были гораздо болѣе знакомы съ искусствами и плавилъ мѣдь, выливая изъ нея разныя орудія и фигуры, которыя я намѣренъ описать здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Три года тому назадъ, когда М. К. Сидоровъ предпринялъ путешествіе по сѣверному отклону Уральского хребта для отысканія новаго пути для торговыхъ сношеній сѣверной Европейской Россіи съ Азіатскою, я просилъ его, во время проѣзда по рѣкѣ Печорѣ, обратить вниманіе на древніе курганы Заволочской Чуди. Онъ, бывши при устьѣ р. Соплясы въ Печору, приобрѣлъ много мѣдныхъ и желѣзныхъ древнихъ вещей, указывающихъ на бронзовый вѣкъ Заволочанскихъ Скиѳовъ, или нынѣшнихъ Зырянъ. Къ этимъ вещамъ принадлежатъ и слѣдующія, вылитыя изъ такой же мѣди, какъ описанныя мною прежде, и представляющія также фигуры разныхъ животныхъ, имѣющихъ на груди изображеніе человѣческаго лица. Подобное изображеніе указываетъ, по моему мнѣнію, на вѣрованіе Скиѳовъ въ переселеніе душъ въ разныя животныя. Сюда относятся:

1) Бронзовый медвѣдь, въ 3 дюйма высотой, сидячій и украшенный на груди, на брюхѣ, на переднихъ и заднихъ лапахъ разными изображеніями, въ видѣ пояса, на которомъ видны какъ бы мелкія растенія, пуговицы и др. предметы, которые такъ неясны по причинѣ дурной отливки, что трудно сказать, что именно изображаютъ они. Впрочемъ видно, что это были украшения и должны принадлежать древней Чуди или Скиѳамъ, которые украшали свои платья золотыми бляхами разной формы, представляющими по большей части орловъ, филиновъ, ласточекъ, зайцевъ, медвѣдей, людей, и т. д. Я имѣю въ своей коллекціи другаго медвѣдя изъ той же мѣстности, изъ такой же Уральской мѣди, на груди котораго изображено человѣческое лицо, что доказываетъ убѣжденіе древней Чуди въ переселеніе душъ въ другія животныя. Поясы всегда почти видны на древнихъ Чудскихъ изображеніяхъ, такъ какъ къ нимъ прикрѣплялась чашка, молотокъ, ножъ, и др. вещи, нужныя имъ въ домашнемъ употребленіи ¹⁾.

¹⁾ См. о чашкѣ Скиѳовъ статью мою о Чудскихъ копяхъ. С.-Петербургъ, 1856, (или въ Запискахъ Импер. Археологич. Общества т. 9).

2) Фигура женщины, длиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма, литая изъ такой же мѣди, въ половину туловища; видны однѣ руки, а ногъ нѣтъ. По нѣжному тѣлосложенію можно догадываться, что изображеніе представляетъ мертвую для памяти родственниковъ, а по смерти ихъ преданную также землѣ. Головной уборъ этой фигуры замѣчательнѣе тѣмъ, что три главныхъ острія, т. е. чепчикъ подобный тому, какъ и нынѣ носятъ западныя Чудскія женщины и который оканчивается длиннымъ остріемъ, нагнутымъ впередъ надъ лбомъ, — невольно напоминаетъ мидійскій головной уборъ т. е. народа, съ которымъ Скиѣы прежде находились въ большихъ торговыхъ сношеніяхъ.

3) Мѣдное колесо, почти въ 2 дюйма въ поперечникѣ, и снаружи украшенное разными угловатыми знаками, не имѣющими ни какого значенія. Колесо указываетъ—*pars pro toto*—на повозки, въ которыхъ тогда переселялась Чудь или Скиѣы Гамаксобіи (*Scythae hamaxobii*) съ одного мѣста на другое, повозки, служившія имъ въ то же время и для жилища, какъ это описываетъ Геродотъ. Скиѣы тогда погребали своего царя и другихъ знатныхъ покойниковъ такимъ образомъ, что перевозили ихъ на арбахъ или повозкахъ отъ одного племени къ другому до похоронъ въ курганахъ, на которыхъ, въ слѣдующія за тѣмъ времена, ставились каменные бабы, огромныя нагія фигуры, державшія руками у брюха чашку. Мнѣ кажется, что эти каменные фигуры соотвѣтствуютъ тѣмъ мѣднымъ фигурамъ, которыя Чудь клала въ гробъ съ покойниками и которыя въ древности имѣли символическое представленіе переселенія душъ; а впослѣдствіи у Комановъ (у камской Чуди) еще другое значеніе, т. е. для сохраненія памяти знатныхъ Команскихъ полководцевъ, которыхъ обыкновенно погребали при большой дорогѣ, по которой тогдашняя Чудь переселилась изъ Азіатской Россіи въ Европейскую и отсюда въ западную Европу. Команы и Венгерцы или Угры русскихъ Лѣтописей, во время переселенія народовъ съ востока на западъ, шли также по этой дорогѣ.

4) Двѣ желѣзныя стрѣлы, длиною въ $2\frac{1}{2}$ дюйма и шириною внизу у черешка въ 1 дюймъ; середина ихъ съ обоихъ боковъ имѣетъ киль, идущій съ основанія стрѣлы къ оконечности ея. Подобныя стрѣлы обыкновенно находятся между греческими и римскими древностями, такъ что изъ нихъ видно уже усовершенствованіе литейнаго искусства по указанію западныхъ, болѣе образованныхъ, народовъ. Вообще находка желѣзныхъ стрѣлъ и желѣзнаго меча, найденнаго вмѣстѣ съ мѣдными вещами, указываетъ, что печерскій курганъ принадлежалъ по крайней мѣрѣ къ послѣднему времени бронзоваго вѣка или къ началу желѣзнаго, въ которомъ Заволочская Чудь успѣла уже познакомиться съ литьемъ желѣзныхъ орудій. Самъ Геродотъ упоминаетъ, что Скиѣы тогда поклонялись желѣзному мечу. Это доставляетъ возможность приблизительно опредѣлить вѣкъ печорскаго кургана изъ доисторическихъ временъ и доказать, что Заволочская Чудь или Зыряне дѣйствительно должны быть Геродотовы Скиѣы. Этимъ же Скиѣамъ, по его описанію, было извѣстно переселеніе душъ, ученіе принесенное къ Скиѣамъ ученикомъ Пифагора, Замолксомъ. Главное условіе этого ученія состояло въ молчаніи и по этому изъ названія этого ученика Пифагорова видно, что онъ былъ Оракіецъ славянскаго происхож-

денія; Греки называли его *Zamoixis*, слово, которое, вѣроятно, происходитъ отъ замолкъ, т. е. замолчалъ.

Чудскія древности находятся не только на западномъ отклонѣ Уральскаго хребта, но чаще и на восточномъ склонѣ, а въ особенности по р. Оби и Абакану. Тамъ, за Барабинскою степью въ Алтайскомъ хребтѣ, жила въ древнія времена Алтайская Чудь, Геродотовы *Scythae Agimaspri* и др., которые занимались добываніемъ мѣди и золота въ Салаирскомъ хребтѣ и его южныхъ пригорьяхъ. Многочисленные, богатые золотыми, серебряными и мѣдными издѣліями курганы по р. Абакану, указываютъ на важный народный промыслъ, посредствомъ котораго Алтайскіе Скифы или Аримасы уже въ самой глубокой древности имѣли значительныя торговыя сношенія съ восточными народами средней Азіи, Персіи и съ западными Греками, у которыхъ изучили искусство плавить желѣзо и серебро, такъ какъ они до тѣхъ поръ занимались одною плавкою золота и мѣди.

Я уже прежде описалъ самые интересные памятники изъ этихъ отдаленныхъ временъ Чудской древности въ моемъ сочиненіи о Чудскихъ копяхъ, а здѣсь намѣренъ упомянуть объ одномъ мѣдномъ украшеніи, найденномъ по р. Соби, впадающей въ р. Обь подъ 66°30' сѣв. шир.

Это украшеніе состоитъ изъ удлинено-четыреугольной выпуклой мѣдной пластинки, на которой представлены слѣдующія фигуры сѣверныхъ животныхъ: медвѣдь, лежащій внизу этой пластинки и показывающій одну голову и двѣ переднія лапы съ рядомъ украшеній на нихъ, состоящихъ изъ круглыхъ пуговицъ. Подобныя круглыя золотыя пуговицы служили украшеніями медвѣдямъ, происшедшимъ изъ превращенныхъ по смерти Чудскихъ людей. Они же при жизни такимъ образомъ украшали свои платья подобными мѣдными и золотыми украшеніями. Выше медвѣжьей головы изображены двѣ головы росوماхъ, а выше ихъ двѣ цѣлыя росوماхи, которыя ясно можно узнать по длинному выпуклому тѣлу и короткому пушистому хвосту. Они, имѣя на лапахъ украшенія изъ золотыхъ бляхъ, занимаютъ средину мѣдной пластинки, продыравленной тамъ, гдѣ остается пустое мѣсто между ногами росوماхъ и ихъ тѣломъ. Обѣ росوماхи обращены другъ къ другу головами и смотрятъ на голову медвѣдя, какъ будто хотятъ напасть на него.

Медвѣдь—равно какъ и росوماхи, принадлежитъ къ сѣвернымъ животнымъ тѣхъ странъ, гдѣ найдена пластинка, и по этому Чудь, вылившая этотъ памятникъ, жила тогда уже на сѣверѣ, какъ и Заволочская Чудь. Она безъ сомнѣнія была вытѣснена изъ южныхъ Алтайскихъ странъ другою болѣе воинственною Чудью, занимавшеюся тогда золотымъ промысломъ и обширною торговлею съ Греками и съ западомъ Европы.

Тамъ, гдѣ найдена была М. К. Сидоровымъ мѣдная пластинка, нынѣ кочуютъ Остяки, которые, какъ и Самоѣды, финскаго племени и, подобно Вогулямъ и Зырянамъ, принадлежатъ къ древнему Чудскому или Скиѣскому народу, занимавшемуся въ глубокой древности на Алтайскомъ и Уральскомъ хребтахъ добываніемъ золота, серебра, мѣди и впослѣдствіи — желѣзныхъ рудъ.

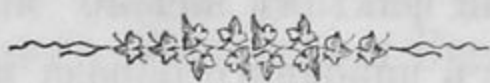
Необходимо, по нынѣшнему состоянію этнографическихъ и археологическихъ наукъ, чтобы ученые по этимъ предметамъ Общества въ Россіи обратили болѣе вниманія на Печорскій и Обскій края, для собиранія на мѣстѣ подробныхъ свѣдѣній о тамошнихъ Чудскихъ курганахъ и каменныхъ, мѣдныхъ и др. орудіяхъ, такъ часто встрѣчающихся тамъ и въ Олонецкой губерніи, а оттуда и по всей Финляндіи.

Эти свѣдѣнія могли бы объяснить намъ каменный и бронзовый вѣка человеческого рода, такъ много нынѣ занимающіе ученыхъ этнографовъ западной Европы. Мнѣ кажется, что по сходству каменныхъ орудій сѣверной Россіи съ кельтскими, можно бы объяснить древность и первобытныя жилища Кельтовъ, о которыхъ иностранные этнографы и антиквары такъ много писали, не принявъ во вниманіе древностей, открытыхъ на русской землѣ.

Э Эйхвальдъ.

Приписка. Мнѣніе о лингвистическомъ тождествѣ греческаго наименованія Скиѳъ, Σκυϑης съ славянскимъ **Щоудъ**, Чюдъ, сколько знаемъ — въ первый разъ было высказано Раскомъ, а за нимъ и Шафарикомъ (Slov. Star. 1-ое изд. 238 и слѣд.), считаемъ не лишнимъ привести, по этому поводу, замѣчаніе Якова Гримма и дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что вполне его раздѣляемъ: «такъ какъ между Славянами и Греками, гов. онъ, звуки не подлежатъ закону перебоя (die laute sich nicht verschieben), то, даже допустивъ переходъ σх въ щ, ч, — подозрительнымъ останется переходъ ϑ въ д; еще не вѣроятнѣе думать, чтобы названіе, которымъ сосѣди Славяне обозначили не скиѳскихъ Финѳовъ, получило при томъ у Грековъ общую силу и употребленіе для наименованія древнихъ Скиѳовъ. Гораздо вѣроятнѣе старинное производство имени Скиѳъ отъ нѣмецкаго корня skiutan = jaculari, отъ употребленія копья и лука у всѣхъ Скиѳовъ, подобно тому, какъ и многія нѣмецкія племена назвались по оружію....» etc. (Gesch. d. Deutsch. Spr. I, 220). Другое разногласіе съ мнѣніемъ почт. Э. И. Эйхвальда позволимъ мы себѣ относительно племенъ кельтскихъ, которымъ онъ приписываетъ происхожденіе европейскихъ каменныхъ орудій. Старая добрая вѣра въ кельтскій источникъ каменныхъ орудій могла существовать; она ничего не подозрѣвала о словѣ (и конечно — не одномъ) первобытныхъ обитателей Европы, ей нужно было куда нибудь приурочить каменные орудія, и она отнесла ихъ къ Кельтамъ, древнѣе которыхъ ничего не знала; но такое мнѣніе — само собою — должно пасть послѣ того, какъ наука незыблемо утвердила фактъ существованія обитателей Европы, предшествовавшихъ приходу Индо-европейскихъ племенъ, тѣмъ болѣе, что оно ничего не имѣетъ за собою, кромѣ доброй вѣры и такъ многое имѣетъ противъ себя. На нѣкоторыя стороны этого вопроса мы указывали прежде (Древности. Труды Московскаго Археологич. Общ. вып. I-й М. 1865., ст. «объ обработкѣ металловъ»), и туда позволяемъ себѣ отослать теперь нашего читателя.

А. К.

ЗАМѢТКИ ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ АРХЕОЛОГИИ.

Habent sua fata libelli.

Старая литература нашихъ отреченныхъ книгъ, какъ извѣстно, представляетъ разнообразное собраніе легендарныхъ сказаній, баснословныхъ повѣстей, примѣтъ, предвѣщаній и суевѣрій. Въ цѣломъ, содержаніе этой литературы раскрываетъ передъ нами любопытныя черты популярнаго міровоззрѣнія древней и особенно средневѣковой Руси, потому что здѣсь, въ этихъ книгахъ, дѣйствительно замѣчались многоразличные элементы этого міровоззрѣнія, начиная съ апокрифической теогоніи и космогоніи, и апокрифическаго вѣроученія, до мелкихъ суевѣрій, прилагавшихся непосредственно къ бытовой жизни. Составъ этой литературы, почти вполнѣ заимствованной и переводной, теперь достаточно извѣстенъ, сдѣлано много указаній объ ея источникахъ, но цѣлый историческій смыслъ ея относительно народнаго міровоззрѣнія едва ли представлялся нашимъ историкамъ достаточно отчетливо. Для полнаго опредѣленія этой литературы важно съ указаніемъ ея источниковъ указать и то, — какому культурному слою принадлежитъ то содержаніе понятій, которое путемъ отреченныхъ книгъ переходило въ народное міровоззрѣніе. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи этого предмета и другихъ элементовъ старыхъ народныхъ понятій, мы приходимъ къ общему вопросу о томъ, — изъ какихъ источниковъ вообще питались народные взгляды; и опредѣленіе его много бы содѣйствовало положительному объясненію того, что мы называемъ народнымъ представленіемъ или народной идеей, и что до сихъ поръ объяснялось почти исключительно въ метафизическомъ смыслѣ.

Вопросъ чрезвычайно любопытный, и отреченное міровоззрѣніе даетъ не мало матеріаловъ для его рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, эта литература занимала несомнѣнно большую роль въ образованіи народныхъ представленій и вѣрованій; до извѣстной степени она сохраняла эту роль и до послѣдняго времени въ народной массѣ, которая, вдали отъ городскихъ центровъ, увлекаясь полуграмотной пытливостью, продолжаетъ питаться старыми преданіями изъ старыхъ сборниковъ и тетрадокъ, или устныхъ пересказовъ. Содержаніе этихъ сборниковъ въ средневѣковой Руси было гораздо богаче нынѣшняго и имѣетъ свою генетическую исторію, которая очень часто способна указать намъ реальными фактами начало многихъ представленій, которыя входили или еще входятъ въ кругъ народнаго образа мыслей.

Какъ мы замѣтили, эта старая литература была почти вполнѣ заимствованная изъ готовыхъ чужихъ источниковъ; она стала народной только по тому жадному любопытству, съ какимъ она была воспринята въ книжнической и народной средѣ средневѣковой Руси, вкусомъ и степени развитія которой она очевидно отвѣчала, и потому, что въ этой средѣ она естественно испытала болѣе или менѣе обширную переработку. Она дала пищу этому любопытству и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщила ему принадлежавшій ей фантастически-суевѣрный характеръ, отъ котораго и теперь съ трудомъ освобождается народная мысль. Вопросъ: откуда шло это содержаніе, — разрѣшается генетической исторіей этихъ представленій, для которой мы и хотимъ сообщить нѣсколько замѣтокъ.

1. БРОНТОЛОГИИ И АСТРОЛОГИЧЕСКІЯ ПРЕДВѢЩАНІЯ.

Сначала о Бронтологіяхъ. Въ ряду отреченныхъ книгъ постоянно упоминается книга «Громовникъ», одна изъ многихъ предвѣщательныхъ книгъ, составлявшихъ значительную долю отреченной литературы. Громовникъ заключаетъ въ себѣ собственно предсказанія, которыя дѣлались по грому о различныхъ предметахъ: погодѣ, урожаѣ или неурожаѣ хлѣба и плодовъ, о появленіи болѣзней, о мятежахъ и ратныхъ походахъ и т. п. Одни громовники рассчитаны были по тому, въ какомъ знакѣ зодіака будетъ солнце, когда случится громъ; другіе — въ какомъ будетъ фазисъ луна; подъ именемъ громовника шли и такія предвѣщанія, гдѣ уже нѣтъ рѣчи о громѣ, а просто объясняются всякія знаменія въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, — солнечныя и лунныя затмѣнія, кометы и т. п. Нѣсколько такихъ громовниковъ соединено въ описанной книгѣ сербской рукописи XVI-го вѣка, Вѣнской бібліотеки (Архивъ, Калач. 1860—1861, кн. I); другіе подобные громовники изданы были въ моемъ собраніи Отреч. книгъ и въ изданіи г. Тихонравова, гдѣ читатель можетъ ознакомиться съ ними подробнѣе.

Легко видѣть съ перваго взгляда, что это были произведенія — византійскія. Греческіе индексы запрещенныхъ книгъ (по образцу которыхъ составила и наша статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ) упоминаютъ эти «такъ называемые Громовники» (τὰ λεγόμενα βροντολόγια), которые дѣйствительно существовали въ византійскій періодъ греческой литературы и до сихъ поръ встрѣчаются въ греческихъ рукописяхъ разныхъ европейскихъ бібліотекъ. Эти греческіе Бронтологіи, на ряду съ другими подобными произведеніями астрологическаго и предвѣщательнаго свойства, откуда брались наши Громники, Колядники, Молніянники, Мартологи и т. п. ложныя книги, — были въ самой греческой литературѣ ничтожнымъ остаткомъ отъ лучшихъ временъ, слабымъ воспоминаніемъ о старой греческой астрономіи временъ Гиппарха и Птолемея; но изъ того научнаго характера, какой имѣли астрономическія вычисленія этихъ замѣчательныхъ людей, позднѣйшіе любители астрономіи сохранили только одну календарную виѣшность, которая все больше и больше украшалась астрологическими выдумками, и изъ прежней астрономіи остались, наконецъ, только одни предвѣщательныя умствованія, къ которымъ относятся и Бронтологіи. Настоящая астро-

номія со временъ Птолемея оставалась уже совершенно бесплодна, и чѣмъ больше греческая литература вступала въ свой византійскій періодъ, тѣмъ сильнѣе становился упадокъ научныхъ знаній. Произведенія этого средняго періода, между паденіемъ Александрійской школы и полнымъ развитіемъ византійской литературы, произведенія, стоявшія на перепутьѣ отъ старой греческой науки къ полному господству средневѣковаго мистицизма и еще принимавшія въ себя немногіе остатки этого стараго греческаго знанія, — эти произведенія и были тѣмъ отдѣломъ византійской литературы, откуда древняя Русь могла пріобрѣсть свои скудные знанія, а гораздо чаще — фантастическія суевѣрія.

У позднѣйшихъ писателей объ астрономическихъ предметахъ, какъ мы сказали, астрономія все больше и больше переходила въ астрологию. У одного изъ такихъ писателей, Прокла, сочиненія котораго сохранились (V-й вѣкъ), основныя положенія астрологіи уже выставлены весьма опредѣлительно: изученіе вліяній небесныхъ свѣтилъ на человѣка подведено подъ извѣстныя правила, звѣздамъ и планетамъ приписаны опредѣленныя свойства; однимъ словомъ дана программа, которую исполняла позднѣйшая средневѣковая астрологія. Такимъ же писателемъ былъ грекъ Іоаннъ Лаврентій, по прозванію Лидіецъ (Λυδός, ум. въ 565 г.), занимавшій важное мѣсто въ государственномъ управленіи при императорахъ Юстинѣ и Юстиніанѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ Газе (Ioannis Laurentii Lydi, de Ostentis quae supersunt etc. Ed. Hase, Paris. 1823), собралъ множество астрологическаго матеріала, который пользовался тогда предвѣщательнымъ авторитетомъ. Лидіецъ можетъ служить характеристическимъ представителемъ тогдашняго положенія византійскихъ знаній и вмѣстѣ образчикомъ тѣхъ византійскихъ источниковъ, изъ которыхъ болгарская и сербская, а за ними русская письменность получали свой запасъ полу-понимаемыхъ знаній и суевѣрій. Самъ Лидіецъ пользовался для своей астрологіи самыми разнообразными матеріалами. Сочиненія его «о мѣсяцахъ» (περὶ μηνῶν) и «о знаменіяхъ» (περὶ διοσμειῶν) представляютъ всѣ элементы болѣе позднихъ астрологическихъ книгъ византійской популярной литературы. Онъ воспользовался старымъ матеріаломъ этого рода изъ римскихъ календарей и предвѣщательныхъ книгъ, какія были въ ходу еще въ послѣднее время республики и въ первое время имперіи, когда въ Римѣ пользовалась чрезвычайнымъ успѣхомъ халдейская астрологическая премудрость. Римъ уже издавна наполнялся малоазіатскими, египетскими и халдейскими предсказателями; «Эфемериды» и «Петозирисъ» (книга, названная по имени египетскаго мудреца, весьма извѣстнаго и въ позднѣйшихъ византійскихъ оракулахъ) были необходимой книгой для каждаго; Ювеналь и Тацитъ часто говорятъ о всеобщей страсти римлянъ къ гаданьямъ, о суевѣрномъ уваженіи къ силѣ звѣздъ и чиселъ. Первые императоры возставали противъ сильно вкоренившагося предрасудка, запрещали гадательныя книги (libri fatidici), но это нисколько не останавливало ихъ господства. Лаврентій Лидіецъ воспользовался римскимъ матеріаломъ, книгами друга Цицеронова Нигидія Фигула, Клавдія Туска, Фонтейя и проч.; но кромѣ того ему извѣстны были и другіе источники, восточные и греческіе: Зороастръ, упомянутый Петозирисъ, Аристотель, Птоломей. Въ книгѣ «о знаменіяхъ» передаются во пер-

выхъ свѣдѣнія о затмѣніяхъ, кометахъ и предсказанія по нимъ; о движеніи луны черезъ двѣнадцать зодіакальныхъ знаковъ и вліяніи этого движенія на изобиліе или неурожаи плодовъ, спокойствіе государства и т. п.: напр., когда луна находится въ знакѣ козерога, блѣдность ея предвѣщаетъ изобиліе; мгла предвѣщаетъ градъ, сильный вѣтеръ означаетъ нашествіе врага и т. п. Далѣе говорится о громѣ (περὶ βροντῶν)—совершенно въ томъ же духѣ, какъ въ нашихъ Громовникахъ. Разобравши мнѣнія о вліяніи грома, господствующія у Халдеевъ, Пифагорейцевъ, Евреевъ и Египтянъ, Лидіецъ передаетъ свои предсказанія, располагая ихъ по движенію солнца. Если, напр., загремитъ громъ въ декабрѣ, когда солнце вступаетъ въ знакъ стрѣльца, это предвѣщаетъ—по словамъ Лидійца—опасность для царей парѣянскихъ и для всего народа; Кельтская земля, Этрурія и Счастливая Аравія будутъ возмущены, въ особенности оружіемъ, потому что стрѣлецъ есть знакъ мужской. Громъ въ сентябрѣ означаетъ нашествіе враговъ и плѣнъ, особенно для дѣвушекъ, потому что къ нимъ относится знакъ Дѣвы; предсказаніе это распространяется на Грецію, Критъ, Вавилонію и т. д. Къ этому разсужденію Лидіецъ прибавляетъ цѣлый громовой дневникъ (ἐφ' ἡμερῶν βροντοσκοπία), извлеченный изъ Нигидія Фигула и примѣненный къ движенію луны: дневникъ служитъ только для Рима, на который разсчитывалъ Нигидій. За тѣмъ идетъ другой громовникъ, взятый у Фонтейя и составленный по общимъ указаніямъ луннаго движенія; напр., когда луна вступаетъ въ знакъ скорпіона, то громъ, случившійся въ это время, означаетъ смуты у Арабовъ, неурожай плодовъ, Ассирія будетъ угнетена голодомъ; если загремитъ ночью, то будутъ пожары, разрушеніе приморскихъ городовъ, гибель плодовъ и животныхъ и т. д.,—однимъ словомъ, тотъ самый разрядъ предсказаній, какой мы находимъ въ нашихъ громовникахъ. Отдѣлъ «о молніяхъ» (περὶ κεραυνῶν) такимъ же образомъ соотвѣтствуетъ молніяннику. Лидіецъ опять приводитъ сначала общія понятія о молніи, о разныхъ родахъ ея, о странныхъ ея паденіяхъ, наконецъ излагаетъ самыя предвѣщанія, располагая ихъ по движенію солнца и основывая на томъ, куда падаетъ ударъ молніи—въ рѣку или въ море, въ частный домъ или общественное зданіе, въ какую часть его и т. д. Предсказанія относятся къ тѣмъ же предметамъ — урожаю или неурожаю, миру или войнѣ и т. д.

Далѣе, новый отдѣлъ книги посвященъ землетрясеніямъ и наконецъ движенію звѣздъ, ихъ восхожденію и захожденію, что называлось у насъ звѣздочтеніемъ. Изложивши движеніе звѣздъ, Лидіецъ замѣчаетъ, что иные по невѣжеству возражаютъ, что такое исчисленіе хода звѣздъ не приходится для всѣхъ странъ; на это по его мнѣнію надо отвѣчать тѣмъ, что конечно знаки зодіака, обнимающіе все небо, не собираются всѣ въ одной землѣ, и поэтому надобно знать, какимъ знакамъ зодіака подчинены или соотвѣтствуютъ разныя страны земли: тогда истина откроется тому, кто захочетъ ее изслѣдовать. Этотъ перечень земель по знакамъ зодіака онъ дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ:

Овну подчиняется, или соотвѣтствуетъ — Британія, Галлія, Германія, Бастарны, Келесирія и т. д.

Тельцу — Киклады, Кипръ, Парѣянская земля и т. д.

Близнецамъ—Гирканія, двѣ Арменіи, Колхида, Нумидія и т. д.

Дѣвѣ—Греція, Ахаія, Критъ, Вавилонъ и пр. (Hase, p. 259).

Пользуясь для своихъ римскимъ старымъ матеріаломъ, Лидіецъ не упоминаетъ однако о событіяхъ, какихъ можно было ожидать у него по его источникамъ; онъ не говоритъ ни о галльскихъ, ни о германскихъ войнахъ;—напротивъ, предсказанія его относятся къ Византійской имперіи, и Газе дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что онъ выбиралъ изъ старыхъ книгъ преимущественно то, что могло имѣть отношеніе къ его времени и странамъ, которыя были для него занимательны, и опускалъ то, что уже было чуждо для грековъ VI-го столѣтія. Не было бы ничего мудренаго и въ томъ, еслибы онъ просто замѣнилъ прежнія имена и событія новыми.

Такъ или иначе, но подобная передѣлка предвѣщательныхъ книгъ несомнѣнно происходила и послѣ: характеръ предвѣщаній остается одинъ и тотъ же, но сцена дѣйствія мало по малу измѣнялась, такъ что болѣе поздніе византійскіе Бронтологи, Селенодроміи, Каландологіи и т. д.,—которые еще сохраняются въ греческихъ рукописяхъ и о которыхъ мы можемъ судить и по старымъ южно-славянскимъ переводамъ,—постоянно говорятъ о Царьградѣ, Анатоліи, Сарацинской землѣ. Южно-славянскіе переводчики еще разъ измѣнили мѣсто дѣйствія. Правда, въ нихъ иногда еще очень ясно видѣнъ византійскій горизонтъ: описанная нами сербская рукопись XVI-го вѣка говоритъ о Египтѣ, Мидянахъ и Аравитянахъ; судьба «Аравлянъ» имѣетъ свое мѣсто и въ русскомъ громовникѣ прошлаго столѣтія;—но другія редакціи уже оставляютъ эти опредѣленные, но индифферентныя для новаго читателя указанія и говорятъ только о западныхъ, восточныхъ, сѣверскихъ странахъ, которыя читатель могъ понимать по усмотрѣнію. Сербская рукопись повторяетъ указанное нами у Лидійца обозначеніе странъ соотвѣтственно знакамъ зодіака; но вмѣсто тѣхъ названій, какія могли находиться въ подлинномъ греческомъ бронтологіи, славянскій переводчикъ (ежели не переписчикъ) поставилъ, конечно по произволу, имена странъ, соотвѣтствовавшія его собственному горизонту: такимъ образомъ рыбамъ соотвѣтствуютъ у него Фрузи т. е. Фригія, овну Римъ, близнецамъ—болгарскій Терновъ, раку—Русь, льву—Дунай, хомуту т. е. вѣсамъ—Іерусалимъ, козерогу—Сербія и т. д.

Запрещеніе громовниковъ, колядниковъ, и т. д. въ нашей статьѣ о ложныхъ книгахъ было взято непосредственно у греческихъ моралистовъ, которые подвергали каноническому осужденію Бронтологию и Каландологию, какъ вещь, оставшуюся отъ языческихъ временъ. Такое запрещеніе находится уже у писателя IX-го вѣка, Никифора Омолотеты, который рядомъ съ Апокалипсисомъ Павла, Ездры, Зосимы осуждаетъ и эти книги (τὰ λεγόμενα βροντολόγια καὶ σεληνοδρόμια ἢ καλανδολόγια οὐ χρὴ δέχεσθαι, βεβηλα γὰρ πάντα; у Фабриція, Nov. Test. p. 952).

Цѣлая литература этого предмета была весьма обширна: астрологическое искусство (ἀστρονομικὴ τέχνη), въ византійскомъ періодѣ окончательно замѣнившее настоящую астрономію, уже давно рекомендовалось любителямъ, какъ вещь весьма полезная въ жизни, и въ рукописяхъ ходило множество астрологическихъ трактатовъ съ именами Птолемея, Прокла, Антиоха, Геліодора, халдейскихъ и египетскихъ мудрецовъ и т. д. Много такихъ трактатовъ упоминаютъ библіографы византійской ли-

тературы. Указываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ рукописей, имѣющія ближайшее отношеніе къ нашей отреченной астрологіи.

Нѣсколько подобныхъ произведеній указываетъ въ своемъ Словарѣ Дюканжъ, — между прочимъ даже Бронтологіи, приписанный царю Давиду (*βροντολόγιον Δαβὶδ τοῦ προφήτου*), слѣдовательно уже съ готовымъ сказочнымъ и отреченнымъ характеромъ, который былъ повидимому такъ привлекателенъ вообще для древнихъ славянскихъ переводчиковъ отреченныхъ книгъ.

Въ томъ же Словарѣ приведенъ образчикъ каландологія, подъ этимъ словомъ. Подобное произведение, съ именемъ Антіоха, указываетъ Ламбецій въ своихъ Комментаріяхъ (7, стр. 92): *περὶ καλανδῶν πρόγνωσις Ἀντιόχου* (начин. *εἰ γένηται κάλανδα τῇ α' ἡμέρᾳ, ἔσται χειμὼν χρήσιμος*, и проч.).

Нессель, въ *Catalog. bibl. Vindobon.* (I, стр. 349), указываетъ рукопись Селенодромія: *Σεληνοδρόμιον τῶν ἐκ' κύκλων τῆς σελήνης* (начин. *Ἐκάστη σελήνη ἔχει ἡμέρας* и проч.). Тамъ же, стр. 343, предвѣщанія о судьбѣ человека по его рожденію и т. д.

Мы не намѣреваемся входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ предметѣ: библіографы древней литературы могутъ еще ближе опредѣлить очерченную здѣсь линію генетической исторіи упомянутыхъ памятниковъ; но и изъ указанныхъ нами литературныхъ фактовъ можно видѣть и живучесть народнаго суевѣрія, и культурно-историческое достоинство его источниковъ. Мы видѣли, какимъ образомъ наши Громовники (последніе документальные слѣды которыхъ доходятъ до XVIII-го столѣтія, и стало быть, еще очень недалеки отъ насъ), черезъ греческіе Бронтологіи, черезъ Лаврентія Лидійца, черезъ Нигидія Фигула, открываютъ намъ историческую перспективу до жреческихъ книгъ Рима и до халдейской и египетской премудрости, которую заносили въ Римъ восточные звѣзdochеты и которая сохраняла авторитетъ и между византійскими книжниками. Не менѣе любопытную перспективу этого рода представляетъ другой памятникъ, о которомъ мы хотимъ прибавить нѣсколько словъ.

II. ГЕРМЕСЪ ТРИСМЕГИСТЪ.

Этотъ другой памятникъ старой отреченной литературы и новѣйшаго суевѣрія, въ свое время изданный мною по современной рукописи, доставленной мнѣ однимъ любителемъ изъ Оренбургской губерніи, приводитъ насъ къ Гермесу Трисмегисту, знаменитому родоначальнику герметической философіи, которая имѣла столько пламенныхъ, хотя не весьма разсудительныхъ, почитателей отъ среднихъ вѣковъ и до новѣйшихъ масоновъ и мартинистовъ. Впрочемъ, какъ увидимъ, упомянутый памятникъ не составляетъ подлинной герметической книги въ томъ смыслѣ, какъ это слово обыкновенно понимается.

Русская отреченная книга, о которой мы говоримъ, есть «Трепетникъ», изданный нами прежде въ Архивѣ г. Калачова (1860—1861, кн. II) и заключающій въ себѣ предвѣщанія по трепетанью разныхъ частей тѣла, руки, ноги, глаза, уха, бро-

ви и т. д., что означает радость, печаль, болѣзнь, дорогу, удачу или неудачу въ дѣлахъ, «немошь отъ питія», драку и т. д.

Гермесъ Трисмегистъ, т. е. Величайшій, есть греческое имя одного древне-египетскаго мифологическаго существа, особенная слава котораго создавалась въ александрийскій періодъ греческо-египетской цивилизаціи. Гермесъ Трисмегистъ представляется то божествомъ, то лицомъ историческимъ, и какъ греческій Гермесъ (имя котораго онъ и принялъ), это былъ, вообще посредникъ между богами и людьми, который такимъ образомъ представлялъ александрийскимъ теософамъ удобное средство для авторитетнаго изложенія ихъ мистическихъ умозрѣній и мечтаній. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности объ этой сторонѣ Гермеса, и намъ достаточно указать любознательному читателю, который бы интересовался началомъ герметической философіи, книгу Менара (*Ménard, Hermès Trismégiste, traduction et étude sur l'origine des Livres Hermetiques, Paris 1866*), гдѣ онъ найдетъ опредѣленіе значенія книгъ Гермеса въ александрийскомъ ново-платонизмѣ и теософіи. Мы скажемъ только, что Гермесу, олицетворявшему собой мудрость жрецовъ и теософовъ, приписывалось изобрѣтеніе и начало всѣхъ человѣческихъ наукъ и искусствъ, изобрѣтеніе письма и іероглифовъ, чиселъ, геометріи и астрономіи, основаніе законодательства, начало медицины, алхиміи и магіи. Отсюда произошло названіе «герметическихъ книгъ», заключавшихъ въ себѣ эту греческо-египетскую мудрость; отсюда герметическая философія, герметическая медицина и т. д.; въ нихъ заключалась вся догматика и литургика, наука и мораль. Въ ново-платонической Александріи герметическая философія имѣла свою самую блестящую пору, и мифическому Гермесу Трисмегисту приписано было много новыхъ произведеній тогдашняго мистицизма. Эта мудрость была доступна только немногимъ избраннымъ и передавалась, какъ таинственное преданіе, для чего принята была фиктивная «герметическая цѣпь», т. е. послѣдовательный рядъ мудрецовъ, хранившихъ преданіе. Новѣйшіе масонскіе теософы XVIII-го вѣка утверждали, что эта цѣпь дошла непосредственно и до нихъ, и своей собственной философіи они охотно давали названіе герметической.

Съ теченіемъ времени старая герметическая философія отчасти забывалась и терялась, отчасти дополнялась новыми произведеніями, которыя по прежнему обычаю приписывались Гермесу Трисмегисту. вмѣстѣ съ тѣмъ мельчала и самая мудрость. Герметическія книги стали принаровляться къ понятіямъ массы, и такимъ образомъ могъ совершиться переходъ отъ туманнаго, но возвышеннаго мистицизма «Пастыря», или «Дѣвы Міра», или «Посвятительной рѣчи» Гермеса Трисмегиста, къ тѣмъ нисколько не туманнымъ и всего менѣе возвышеннымъ произведеніямъ, которыя носили имя Гермеса въ позднѣйшей византійской литературѣ. Къ такой измельчавшей герметической мудрости относится и подлинникъ нашего отреченнаго Трепетника. Этотъ подлинникъ найденъ былъ мною въ одной изъ средне-греческихъ рукописей Вѣнской бібліотеки, по краткому описанію ея въ каталогъ, и выписка изъ этой рукописи, сообщенная проф. Миклошичемъ, дѣйствительно представляетъ памятникъ, если и не имѣющій буквальнаго сходства съ нашимъ, то имѣющій почти буквальный смыслъ, однимъ словомъ памятникъ вполнѣ однородный. Выписка изъ Вѣнской

рукописи, которую мы здѣсь приводимъ, убождаетъ въ этомъ совершенно (Codex med. gr. № 50, fol. 77, b—78, a).

Ἑρμοῦ Τρισεγίστου περὶ τῶν μελῶν τοῦ ἀνθρώπου ὅταν λαγγέβουν. γνώρισε οὕτως:

Ὅφρις δεξιὸς ἐὰν ἄλυται, ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ νοσῶν τῷ ἐλευθέρῳ δηλοῖ. τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὅφρις ἀριστερὸς ἐὰν ἄλυται, εὐπορίαν καὶ ἔπαινον καὶ θόξαν καὶ πλοῦτον σημαίνει.

Ὅφθαλμὸς δεξιὸς ἐὰν ἄλυται, πολλῶν καὶ μεγάλων ἀγαθῶν ἐπίκτησιν δηλοῖ τῶν ἐλευθέρων ἐλευθερίαν. τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὅφθαλμὸς δεξιὸς τῷ ἄνω βλεφάρῳ αἱ ἐν πορείαις θόξαι καὶ τιμὴ τῷ ἐλευθέρῳ, τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὅφθαλμὸς εὐώνυμος ἐὰν ἄλυται, τῷ ἐλευθέρῳ λύπην σημαίνει, τῶν δὲ δούλων ὕβριν.

Ὡτίον δεξιὸν ἐὰν ἄλυται, ἡ δὲ ἡχώση. λύπην σημαίνει.

Ἡ δὲ τοῦ εὐωνύμου, ἥτις ἄλυται, ἥτε ἡχώση, πολλὰ ἀγαθὰ σημαίνει, κ. т. л.

(Транскрипція передана нами вполнѣ вѣрно съ сообщенной выпиской; неточности текста могутъ принадлежать даже и самому подлиннику).

Для сравненія помѣщаемъ здѣсь и начало русскаго «Трепетника».

«Отъ мудрыхъ сіе взято, а не смѣхотворство нѣкое, и всякъ сіе внимай.....»

1. «Аще верхъ главы потрепещеть, то добытокъ кажетъ.
2. «Аще челюсть потрепещеть, то всему добру совершенство кажетъ.
3. «Аще бровь правая потрепещеть, по богатымъ недугъ, а убогимъ польза будетъ.
4. «Аще бровь лѣвая потрепещеть, то велико добро и веселіе кажетъ.
5. «Аще ока праваго вѣко потрепещеть, то многого добра воздержаніе кажетъ.
6. «Аще ока лѣваго вѣко потрепещеть, должную печаль кажетъ.
7. «Аще правая рясница потрепещеть, корысть кажетъ скорую, на враги побѣду, а на бою побіемъ.
8. «Аще лѣвая рясница потрепещеть, то кажетъ туженіе друга, или скоту упаду; а ежели двора нѣсть, то самому незгода, а женамъ кажетъ немощь, или проносное слово не по дѣлу, а съ другомъ вѣдѣніе и вражду.
9. «Аще око правое потрепещеть, кажетъ здравіе или съ другомъ видѣтися, а купчинѣ корысть, а воину побіешъ, потомъ же всяко омерляно добро будетъ.
10. «Око лѣвое потрепещеть, кажетъ немилосердіе къ другомъ, и съ ближними, или отъ властей въ пути, то разумѣй корысть»....

Сравнивъ эти строки съ первыми строками «Трепетника», легко видѣть, что наша отреченная книга была или легкой вариацией на ту же тему, или же, скорѣе, простымъ буквальнымъ переводомъ по другой, близко сходной, редакціи этого мнимаго произведенія Гермеса Трисмегиста.

А. Пыпинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Fustel de Coulanges. La Cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome, 2 me ed. Paris, 1866, стр. 523 8°.

Древнее общество. Обзоръ культа, права и учреждений Греціи и Рима. Сочиненіе Фюстель-Куланжа; переводъ Н. А. Бабкина. Спб., 1867.

Ученныя достоинства настоящаго сочиненія таковы, что безъ него рѣшительно нельзя обойтись не только при изученіи исторіи Грековъ и Римлянъ, но и вообще при сравнительныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ древностямъ всѣхъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе справедливо, что многія особенности древнѣйшаго культа, права и учреждений греко-италійскаго племени находятъ соотвѣтствующія себѣ черты въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ о старинномъ бытѣ Славянъ и въ обломкахъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, донинѣ-существующихъ въ массѣ сельскаго населенія—тамъ и здѣсь по разнымъ славянскимъ землямъ. Въ X-ой главѣ, напри- мѣръ, авторъ доказываетъ, что первоначально родъ (большая, многочисленная семья) былъ единственною формою общежитія Аріевъ, и что, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній и вытекавшихъ изъ нихъ юридическихъ институтовъ, роды эти представляли отдѣльныя, самостоятельныя и строго-замкнутыя общины. «Тысячи такихъ общинъ жили врозь, не имѣя почти никакихъ сношеній между собою, не нуждаясь другъ въ другѣ, не связанныя между собою никакими политическими узами, каждая на своемъ наслѣдственномъ участкѣ, съ своимъ домашнимъ управленіемъ и своими (семейными) богами». Читая эти строки, кто не вспомнитъ правдивыхъ извѣстій Нестора, что искони Славяне жили «каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ», что роды эти селились особѣ— «имяху обычай свой и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ», или какъ выражается древне-чешская пѣсня: у нихъ была «правда по закону святу, юже принесеху отъци наши». У греко-италійцевъ приведенная въ домъ жена освобождалась отъ всякой зависимости отъ праотческихъ пенатовъ и вступала въ рели-

гію своего мужа. Брачное торжество состояло изъ трехъ дѣйствій: первое происходило передъ очагомъ отца неvěсты, третье — у очага ея будущаго мужа, второе заключалось въ переходѣ отъ одного очага къ другому. Въ родительскомъ домѣ неvěсты, отецъ ея, въ присутствіи жениха, совершалъ жертву и произносилъ обрядовую формулу, провозглашая, что отдаетъ дочь свою въ руки чужеродца. «Такое заявленіе было необходимо для дѣйствительности брака, такъ какъ дѣвушка не могла бы прямо припасть къ очагу своего супруга, еслибъ отецъ предварительно не отрѣшилъ ее отъ родительскаго очага. Прежде, чѣмъ перейти въ новую, она должна была порвать всякія связи и отношенія съ своею прежнею религіею.» Затѣмъ ее везли въ домъ жениха и подводили къ его семейному очагу; здѣсь она омывалась очистительною водою, прикасалась къ священному огню, и въ заключеніе, оба супруга дѣлили между собою хлѣбъ: «этотъ родъ легкой трапезы, начинающейся и оканчивающейся возліаніемъ и молитвой, этотъ раздѣлъ пищи передъ лицомъ очага утверждалъ между супругами религіозное единство и приводилъ ихъ въ общеніе съ домашними богами.» Слѣды подобныхъ-же обрядовъ можно указать и между Славянами. При самомъ сватовствѣ неvěсты они считаютъ необходимымъ обращаться къ ея родительскому очагу, и такъ сказать — отъ него получаютъ разрѣшеніе на выводъ избранной дѣвицы. У Болгаръ свать, вступивъ въ избу неvěсты, прежде всего загребаетъ въ печи уголья, почему и узнаютъ о цѣли его посѣщенія. На Руси сваха, приходя съ брачнымъ предложеніемъ къ родителямъ дѣвицы, подступаетъ къ печи, и въ какое бы время года это не случилось — грѣетъ свои руки, чтобы задуманное дѣло пошло на ладъ, и потомъ уже начинается самое сватовство. Въ Курской губ. свать беретъ рукою за печной столбъ. Въ Малороссіи, когда идутъ переговоры о сватовствѣ, неvěста садится у печки и колу па етъ глину, выражая тѣмъ свое желаніе выйти замужъ. Въ Черниговской губ. она взлѣзаетъ на печь, а сваты упрощаютъ ее сойти внизъ; если она спустится съ печи, то этимъ самымъ выразитъ свое согласіе на бракъ, т. е. заявитъ свою готовность покинуть семейный очагъ и перейти въ домъ жениха. У Сербовъ молодая, по возвращеніи отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и каждый разъ, пріостанавливаясь, беретъ въ руки зажженое полѣно и потрясаетъ имъ, такъ что сыплются искры; послѣ того свекровь обвязываетъ ее поясомъ, который служитъ символическимъ знакомъ прикрѣпленія ея къ новому роду. Соотвѣтствующій на Руси обычай требуетъ, чтобы новобрачная, вступая въ домъ мужа, бросала поясъ на печь, т. е. ввѣряла бы эту эмблему супружескихъ узъ защитѣ очага. У Чеховъ молодая, вступая въ домъ мужа, должна поклониться его очагу и бросить въ огонь три волоса изъ своей косы, донинѣ принимаемой за эмблему дѣвичьей свободы.

Мысль перевести сочиненіе Куланжа на русскій языкъ и усвоить его нашей, небогатой учеными трудами, литературѣ заслуживаетъ полной благодарности. Первый выпускъ перевода заключаетъ въ себѣ два отдѣла (I — Древнія вѣрованія, II — Семья), въ которыхъ авторъ указываетъ на необходимость изучать вѣрованія древнихъ народовъ — для того, чтобы понять смыслъ ихъ учрежденій; далѣе онъ пред-

ставляетъ очеркъ вѣрованій греко-италійскаго племени о душѣ и смерти, приводитъ свидѣтельства о тѣсной связи почитанія усопшихъ предковъ съ поклоненіемъ священному пламени домашняго очага, и отсюда объясняетъ формы, правила, нравственныя и юридическія послѣдствія древняго брака, усыновленія, увольненія сына изъ-подъ отцовской власти, опредѣляетъ объемъ этой послѣдней, особенности античныхъ понятій о родствѣ и свойствахъ, о собственности и наслѣдованіи. Все это исполнено имъ съ замѣчательнымъ талантомъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ группировать факты и съ соблюденіемъ строгой логической послѣдовательности въ выводахъ. Не смотря однако на эти существенныя достоинства, на трудъ его, вслѣдствіе понятнаго увлеченія собственною системою, лежитъ печать нѣкоторой односторонности, на что мы и намѣрены указать въ настоящей краткой замѣткѣ. Анализируя семейный бытъ древнихъ народовъ, авторъ всѣ постановленія его сводитъ къ культу очага и усопшихъ, и при этомъ высказываетъ убѣжденіе, что «прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ поклоняться Индрѣ или Зевсу, онъ поклонялся мертвымъ», что религія домашнихъ боговъ, т. е. усопшихъ предковъ, была самою древнѣйшею вѣрою человѣка (стр. 24). Положеніе это мы считаемъ совершенно-ошибочнымъ; согласиться съ нимъ не позволяютъ ни тѣ свѣдѣнія, какія добыты сравнительнымъ изученіемъ языка и миѳологіи индоевропейскихъ племенъ, ни даже простой взглядъ на отношенія человѣка къ природѣ и ея могучимъ стихійнымъ силамъ. Умъ рѣшительно отказывается вѣрить, чтобы было такое время, когда люди не замѣчали присутствія божества ни въ солнцѣ, ни въ громахъ и молніяхъ, а чтили его только въ разлагающихся трупахъ своихъ отцевъ и родичей. Названія, значающія бога, по преимуществу заимствованы отъ словъ, служившихъ для обозначенія неба, и слѣдовательно понятіе о божествѣ издревле сливалось съ небеснымъ сводомъ и его благодатными и грозно-торжественными явленіями. Куланжъ справедливо приписываетъ культу очага и усопшихъ предковъ доисторическую давность, справедливо считаетъ этотъ культъ за религію, вынесенную греко-италійцами изъ ихъ арійской прародины; но это самое обязывало его провѣрить представляемые имъ выводы путемъ сравнительнаго изученія вѣрованій и быта всѣхъ вообще арійскихъ народовъ. Новѣйшія изслѣдованія Маннгардта по германской миѳологіи, съ связи съ любопытными и весьма важными свидѣтельствами Ведъ, осязательно доказали, что арійское племя признавало душу за существо стихійное, родственное божественнымъ силамъ природы — пламени и вѣтру. Глубокая древность этого представленія свидѣтельствуется не только многочисленными преданіями и повѣрьями, но и самымъ языкомъ: *anīma*, *ānērōs* — отъ санскр. *an* — дуть, *anīa* — вѣтръ; душа, духъ = вѣтръ; «жизнь погасла», *вос-кресать* отъ *кресъ* — огонь, и проч. Такими стихійными свойствами душъ человѣческихъ объясняется и та близкая связь ихъ съ пламенемъ очага, которая иначе была бы совершенно не понятною. Куланжъ не коснулся этого основнаго вопроса, и то, что заставило нѣкогда аріевъ сочетать культъ семейнаго очага съ культомъ усопшихъ предковъ, осталось невыясненнымъ въ его книгѣ. Между тѣмъ въ пламени, возженномъ на домашнемъ очагѣ, древній человѣкъ узнавалъ ту же божественную силу, какая дѣйствуетъ въ лѣтнихъ грозахъ, возжигаемыхъ Индрою

или Зевсомъ; въ мѣтахъ о происхожденіи огня онъ выразилъ мысль, что эта свѣтлая стихія была впервые низведена съ неба на землю—въ падающей молніи; во всей обстановкѣ культа священнаго огня сохранились яркія указанія на бывшее отождествленіе его съ божествомъ грозового пламени и дождевыхъ ливней. Агни (= огонь, владыка очага) было одно изъ древнѣйшихъ прозваній Индры; въ немъ чтили установителя семейнаго союза и домашней религіи. Низведя на землю молнію, богъ-громовникъ основалъ первый очагъ; онъ-же создалъ и перваго человѣка — перваго жреца и служителя при очагѣ и родоначальника будущаго племени. Мѣты о созданіи человѣка тождественны съ мѣтами о происхожденіи огня: первый человѣкъ явился въ міръ въ той-же молніи, какою возжено священное пламя очага; онъ былъ ея воплощеніемъ. По этому нѣтъ основанія считать поклоненіе умершимъ — за религію, которая предшествовала вѣрѣ въ небесныхъ боговъ; напротивъ, оно возникло, какъ необходимое дополненіе къ ученію о стихійныхъ божествахъ.

Слѣдуя инымъ путемъ, оставляя въ сторонѣ всѣ указанныя нами представленія, авторъ пришелъ къ заключенію, что первоначальнымъ вѣрованіемъ человѣка была мысль, будто души остаются не разлучными съ трупами усопшихъ и пребываютъ въ нѣдрахъ земли, отведенной подъ родовое кладбище. «Здѣсь (говоритъ онъ) слѣдуетъ замѣтить, что у древнихъ установилось еще другое мнѣніе относительно мѣстопробыванія мертвыхъ. Они представляли его себѣ, какъ область — также подземную, но несравненно обширнѣе могилы; тамъ всѣ души обитали вмѣстѣ, вдали отъ своего тѣла, и имъ, сообразно съ поведеніемъ человѣка при жизни, полагалось тамъ наказаніе или награда. Но обряды погребенія находятся въ очевидномъ противорѣчій съ этими вѣрованіями, а это ясно доказываетъ, что въ ту эпоху, когда установились эти обряды, еще не существовало вѣры въ тартаръ и елисейскія поля. Сначала древнія поколѣнія вѣрили, что человѣческое существо продолжаетъ свою жизнь въ могилѣ, что душа не отдѣляется отъ тѣла, а остается какъ-бы прикованною къ той частицѣ земли, гдѣ схоронены были кости. Человѣкъ не долженъ былъ давать никакого отчета въ своей прежней жизни; однажды положенный въ гробницу, онъ не ждалъ себѣ ни награды, ни наказанія» (стр. 15). Представлять душу вѣчно-прикованною къ останкамъ усопшаго было бы слишкомъ искусственно и противорѣчило бы очевиднымъ наблюденіямъ, которыми не могъ же не руководствоваться человѣкъ даже при всей грубости его первоначальныхъ воззрѣній. Развѣ онъ не замѣчалъ, что вмѣстѣ съ смертію живаго существа тѣло его лишалось способности видѣть, издавать звуки, ощущать и двигаться, что оно разрушалось, тлѣло и превращалось въ прахъ? Гдѣ же тотъ духъ, который нѣкогда оживлялъ теперь—безгласнаго и неподвижнаго мертвеца? Ясно, что духъ жизни покидалъ тѣло, сбрасывалъ съ себя эту матеріальную оболочку, какъ-бы ветхую одежду, и получалъ независимое, свободное состояніе. Признавая души за существа стихійныя, древній человѣкъ думалъ, что онѣ по смерти соединяются съ родственными имъ элементами, наполняютъ собою неистовыя рати бурныхъ и грозныхъ духовъ, блуждаютъ въ воздушныхъ пространствахъ и поспѣшаютъ въ заоблачный міръ — въ свѣтлое царство блаженныхъ, или, увлекаемая силою родственной любви и привя-

занности къ отеческому крову, онѣ остаются въ своемъ прежнемъ жилищѣ и, сливаясь съ пламенемъ очага, получаютъ тотъ-же характеръ охранительныхъ семейныхъ пенатовъ, какой соединялся и съ понятіемъ о священномъ огнѣ. Нельзя не согласиться, что идея о наградахъ и наказаніяхъ, ожидающихъ смертныхъ въ загробной жизни, примкнула къ этому ученію позднѣе — въ ту эпоху, когда въ народѣ составилъ достаточный запасъ нравственныхъ правилъ, неисполненіе которыхъ должно было влечь за собою небесную кару; но любопытно, что языческія представленія о раѣ и адѣ нисколько не противорѣчили стихійному значенію душъ, ибо въ царствѣ блаженныхъ наши отдаленные предки видѣли свѣтлое лѣтнее небо, а въ страшной картинѣ ада они рисовали страну мрачныхъ тучъ, горящихъ грозовымъ пламенемъ (= пекло) или оцѣпененныхъ суровою стужею зимы (niflheimr). Такъ какъ фантазія древнихъ народовъ, подъ вліяніемъ метафорическаго языка, уподобляла облачной міръ темнымъ подземельямъ и вертепамъ огнедышащихъ горъ, то и самый тартаръ признанъ былъ за царство подземное, гдѣ пребываютъ души, еще не достигшія элизія, или души осужденныхъ грѣшниковъ, которымъ никогда не достигнуть райскихъ обителей. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Куланжъ ссылается на погребальные обряды; онъ очевидно принимаетъ, что зарытіе труповъ въ могилахъ было древнѣйшею формою погребенія. Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, что возникло прежде — сожженіе ли мертвыхъ, или зарытіе ихъ въ землю? до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ. Всматриваясь въ значеніе вѣрованій, соединяемыхъ съ тѣмъ и другимъ видомъ погребенія, находимъ, что при совершеніи этихъ разнородныхъ обрядовъ человѣкъ руководился однимъ желаніемъ — содѣйствовать усопшему въ его переходѣ въ загробный міръ. Сгорая на кострѣ, мертвецъ сочетался съ чистѣйшею стихіею Агни; будучи зарываемъ подъ могильный курганъ, переселялся въ подземное царство тѣней. Пока не было совершено погребеніе, т. е. пока трупъ не былъ преданъ огню и не очистился въ его пламени отъ всего тлѣннаго, или пока трупъ не былъ посыпанъ землею, душа (по мнѣнію древнихъ) носилась безпокойнымъ блуждающимъ призракомъ вблизи прежняго своего жилища и нетерпѣливо ожидала похоронной церемоніи, которая должна была открыть ей свободный путь въ страну усопшихъ. Такъ какъ представленіе этой страны подземнымъ царствомъ есть, очевидно, не самое первоначальное; то едвали и зарытіе умершихъ въ землю не возникло позднѣе сожженія. Но если эта догадка и невѣрна; то все-же нѣтъ никакихъ основаній не приписывать сожженію одинаковой давности съ погребеніемъ въ землѣ. Что касается жертвенныхъ яствъ и напитковъ, приносимыхъ мертвымъ, то первоначальное ихъ значеніе тоже самое, что и значеніе жертвъ, приносимыхъ очагу.

Поклоненіе очагу и культъ усопшихъ предковъ, по мнѣнію Куланжа, привязали человѣка къ землѣ и опредѣлили право семейной собственности. «Очагъ (говоритъ онъ) есть символъ осѣдлой жизни. Онъ долженъ быть поставленъ на землѣ и разъ поставленный не можетъ быть смѣщенъ. Семейное божество требуетъ прочной осѣдлости; матеріально не легко перенести на другое мѣсто камень, на которомъ оно пылаетъ; въ религіозномъ же смыслѣ это еще труднѣе и дозволено человѣку только въ случаѣ, если его принудить къ тому жестокая необходимость (сгонить врагъ, или

земля не въ состояніи будетъ прокормить семейство). Очагъ ставятъ на извѣстномъ мѣстѣ, съ мыслью и надеждою, что онъ останется тамъ навсегда... Такимъ образомъ очагъ овладѣваетъ почвою; эту часть земли онъ присвоиваетъ себѣ, она дѣлается его собственностью». Тѣже понятія связываетъ авторъ и съ могилами: культъ усопшихъ предковъ былъ обязателенъ для ихъ потомства; земля, въ которой покоятся мертвые, не можетъ быть отчуждена и утрачена въ силу давности; они присвоиваютъ себѣ этотъ участокъ, живутъ подъ этою грудой земли. «Религія предписывала, чтобы очагъ былъ не поколебимо утвержденъ на землѣ, чтобы гробницу не разрушали и не трогали съ мѣста. Уничтожьте собственность, и очагъ сдѣлается скитальцемъ, семьи смѣшаются, мертвые будутъ забыты и лишены культа. Благодаря непоколебимости очага и вѣчности родовой могилы — семья овладѣла землею» (стр. 79—87). Положенія эти могутъ быть приняты не иначе, какъ съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіемъ. Правда, что религія очага и связанное съ нею поклоненіе предкамъ укрѣпили осѣдлость, сдѣлали человека домосѣдомъ, привязали его къ родовому участку земли; но это никакъ не относится къ первичной эпохѣ, а совершилось уже тогда, когда человекъ позналъ выгоды осѣдлой, земледѣльской жизни и почувствовалъ необходимость тѣхъ удобствъ, какія даетъ крѣпко-построенная и нелегко-переносимая съ одного мѣста на другое — теплая изба. Народныя же преданія и свидѣтельство исторіи удостовѣряютъ, что родовыя общины — прежде, чѣмъ осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, вели жизнь кочевниковъ, номадовъ, не знавшихъ поземельной собственности; что главное богатство ихъ состояло въ многочисленныхъ стадахъ и что потребность въ пастбищахъ заставляла ихъ часто передвигаться и мѣнять мѣста своихъ временныхъ стоянокъ. Напрасно авторъ желаетъ провести рѣзкую границу между бытомъ поклонниковъ очага и бытомъ номадовъ: «шатеръ, по его словамъ, годится для Араба, кибитка для Монгола; но для семьи, имѣющей домашній очагъ, нужно домовѣчное жилище». Ни шатеръ, ни кибитка не исключаютъ необходимости имѣть домашній очагъ и нимало не мѣшаютъ чтить возжигаемое на немъ пламя. По свидѣтельству Геродота, кочевые Скиѣы, перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто, перемѣщали и свои очаги и не видѣли въ этомъ ни какой матеріальной трудности. Очагомъ у Скиѣовъ служили два или три камня, которые они всюду возили съ собою, и этотъ подвижной очагъ имѣлъ такое-же священное значеніе, какъ и у народовъ классическихъ: онъ почитался защитникомъ домашняго крова и семейнаго союза. Точно также и Аріицы складывали свой очагъ изъ нѣсколькихъ камней, и слѣдовательно не могли затрудняться въ его перемѣщеніи на новоселье: др. - инд. *aśman-tam* означаетъ печь, чешск. *ka m p a*, рус. каменка; гот. *aúhns* предполагаетъ основную форму *a k n a s* (*a ś h a s* = *a ś m a n*, слав. камы — камень). Передвигаясь на новыя мѣстности, кочевыя племена уносили съ собою и своихъ пенатовъ = свои очаги съ тлѣющими на нихъ угольями; вмѣстѣ съ этимъ они увлекали за собою и своихъ предковъ, души которыхъ незримо присутствовали на домашнихъ очагахъ и вкушали отъ жертвъ, приносимыхъ священному огню. Донынѣ между поселянами различныхъ странъ живо сохраняется убѣжденіе, что домовые духи, охранители семейнаго счастья, живутъ въ нишахъ и углубленіяхъ кухонныхъ печей. Русскій крестьянинъ,

слѣдуя завѣтамъ старины, при переходѣ въ ново-построенный домъ, переносить горячіе уголья изъ старой печи въ новую; такое перенесеніе огня сопровождается различными обрядами и мольбою, обращенною къ дѣдушкѣ-домовому, чтобы онъ перешелъ на новоселье съ добромъ и милостью — точь въ точь, какъ въ одномъ изъ замѣчательныхъ мѣстъ Энеиды Гекторъ говоритъ Энею, что намѣренъ вручить ему троянскихъ пенатовъ, и отдаетъ ему огонь очага. Сопутствуемый пенатами, древній человѣкъ спокойно удалялся въ ту или другую сторону; могилы, въ которыхъ покоились кости усопшихъ родичей, не могли приковывать его къ землѣ. Скибы разбросали свои могильныя насыпи по всему пространству обширныхъ степей, гдѣ приходилось имъ вести свою странническую, кочевую жизнь. Даже если принять мнѣніе, что культъ усопшихъ не позволялъ потомкамъ покидать священные останки ихъ предковъ; то и въ этомъ случаѣ обычай сжигать тѣла умершихъ могъ вполне удовлетворить религіозное чувство человѣка: пепелъ, остающійся отъ сожженного трупа, собирался въ погребальныя урны, а эти послѣднія легко было уносить на мѣста новыхъ поселеній. Вотъ почему возможны были и тѣ дознанныя наукою великія передвиженія арійскихъ племенъ, которыя съ точки зрѣнія Куланжа почти совсѣмъ не мыслимы. Хотя онъ и допускаетъ, что «жестокая необходимость» могла принуждать древнія общины къ переселенію; но подобная оговорка нисколько не вяжется съ его основнымъ положеніемъ. Если бы человѣкъ не въ состояніи былъ переносить свою святыню, если бы домашніе боги не слѣдовали за нимъ во всѣхъ его странствованіяхъ, онъ скорѣе бы умиралъ на мѣстѣ, чѣмъ рѣшился бы покинуть собственныхъ пенатовъ и чрезъ то лишиться ихъ покровительства; во всякомъ случаѣ, жажда переселеній, стремленіе искать новыя, лучшія земли никогда бы не могли охватывать собою цѣлыя племена. «Уничтожьте собственность, и очагъ сдѣлается скитальцемъ» — противъ этого заключенія, конечно, никто не станетъ спорить; но дальнѣйшая затѣмъ прибавка: «сѣмьи смѣшаются и мертвые будутъ забыты» совершенно-произвольна; она противорѣчитъ положительнымъ фактамъ, какіе доселѣ можно прослѣдить въ быту кочевыхъ народовъ.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. На стр. 45-й авторъ говоритъ: «домашняя религія передавалась только отъ мушины мушинѣ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того понятія, какое люди первоначально составили себѣ о рожденіи. Въ древнѣйшія вѣка общее вѣрованіе приписывало производительную силу исключительно отцу. Одинъ только отецъ обладалъ таинственнымъ началомъ бытія и могъ сообщить искру жизни. Изъ этого-то древняго убѣжденія вытекло правило, по которому домашній культъ передавался всегда мушинѣ, а женщина могла принимать въ немъ участіе только при посредствѣ отца или мужа, и по смерти не получала въ культѣ и торжествахъ надгробной тризны равной доли съ мужчинами. Оно же послужило источникомъ и другихъ очень важныхъ установленій въ частномъ правѣ древности и въ семейномъ быту». Такое объясненіе отзывается чѣмъ-то искусственнымъ, нарочно придуманнымъ; да и зачѣмъ оно, когда дѣло объясняется гораздо проще? По самому назначенію своему быть супругою чужеродца, матерью его дѣтей, женщина уже не могла рассчитывать на равныя права съ мужскимъ пово-

ніемъ, которое навсегда оставалось вѣрнымъ своему роду и своимъ отеческимъ богамъ. На нее смотрѣли, какъ на временнаго, ненадѣжнаго члена семьи; выходя замужъ, она покидала родичей и вступала въ чуждую для нихъ семью; вмѣстѣ съ этимъ она отрекалась отъ всякой связи съ культомъ своихъ предковъ и начинала чтить пенатовъ своего мужа. Въ эту чуждую ей религію она принималась только черезъ посредство мущины, вступавшаго съ нею въ бракъ. Такимъ образомъ, по воззрѣнію древнихъ, женщина не имѣла прочныхъ, нерушимыхъ связей съ богами своего отца, ни прямаго, непосредственнаго отношенія къ богамъ своего мужа; отсюда понятны и второстепенное участіе ея въ домашнемъ культѣ, и вѣчная подвластность ея какъ въ семействѣ отца, такъ—и мужа. Все это прекрасно развито и доказано самимъ-же авторомъ. Вотъ его собственныя слова: «Когда дѣвицу станетъ сватать молодой человѣкъ изъ сосѣдней семьи, дѣло для нея заключается не въ томъ только, чтобы перейти изъ одного дома въ другой; ей приходится покинуть отцовскій очагъ, чтобы поклоняться очагу супруга; ей приходится переменить религію, отказаться отъ боговъ своего дѣтства и подчиниться власти бога, еще ей неизвѣстнаго (стр. 51)». Чего же больше? нужно ли послѣ этого толковать о «производительной силѣ» и «таинственномъ началѣ бытія»?

А. А.

Die Griechen und die griechische Kunst am Nordgestade des Schwarzen Meeres. Akademische Festrede, gehalten in Dorpat am 12 (24) December 1866 von Ludwig Schwabe (Separatabdruck aus der Baltischen Monatschrift 1867 März). Riga. 1867, 30 стр. 8°.

При краткости изложенія, составляющей одно изъ неизбѣжныхъ условій ученыхъ статей, читаемыхъ по случаю разныхъ академическихъ и университетскихъ торжествъ, авторъ разсматриваемой нами рѣчи о Грекахъ и греческомъ искусствѣ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, по необходимости, долженъ былъ ограничиться лишь подборомъ и сводомъ важнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся фактовъ, относящихся къ предмету его изслѣдованія, и—нужно отдать ему справедливость—мастерски исполнилъ свою задачу. Въ сжатомъ, но очень оживленномъ, очеркѣ своемъ онъ чрезвычайно рельефно и мѣтко изобразилъ торговое значеніе и цвѣтущее состояніе древнихъ греческихъ колоній нашего Черноморскаго края, изумительное разнообразіе памятниковъ греческаго искусства, добытыхъ изъ гробницъ и развалинъ «Киммерійскаго Босфора», особенно въ окрестностяхъ Пантикапеи или нынѣшней Керчи, и двойкій характеръ этихъ художественныхъ произведеній, а именно: одинъ, преобладающій, чисто-греческій, другой, рѣже встрѣчающійся—понтійско-греческій стиль. Опредѣляя отношенія греческихъ поселенцевъ къ сосѣднимъ варварскимъ племенамъ, г. Швабе напрасно, какъ мнѣ кажется, придаетъ особенное

значеніе вліянню, которое греческое образованіе будто бы оказывало на Скиѳовъ ¹⁾. Вліянне это, по всей вѣроятности, было совершенно внѣшнее, ограничивавшееся тѣмъ, что Скиѳскіе царьки и вельможи покупали или заказывали въ греческихъ колоніяхъ различные предметы роскоши, конечно не потому, что прельщались художественною прелестью этихъ произведеній и удобствами греческой жизни, а для того только, чтобы щегольнуть другъ передъ другомъ «заморскою» или собственно «приморскою» диковинкою. Въ душѣ же, во всѣхъ своихъ привычкахъ и дѣйствіяхъ—эти мнимые почитатели греческаго искусства оставались все-таки дикими Скиѳами, идеалами которыхъ были добрый конь, грабежъ и война. Не даромъ Геродотъ говоритъ (IV, 63 и 80), что они боялись усвоивать чужіе нравы, особенно греческіе. Скиѳскіе Скилесы и Анахарсисы являются въ этомъ случаѣ какими-то небывалыми исключениями.

Едва-ли также можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора о томъ, что различныя грубыя и уродливыя подражанія греческимъ произведеніямъ, встрѣчающіяся въ скиѳскихъ гробницахъ, принадлежатъ къ издѣліямъ скиѳскихъ мастеровъ и свидѣтельствуютъ о художественной самодѣятельности Скиѳовъ, развившейся подъ вліяннемъ греческаго искусства. Мы, напротивъ того, думаемъ, что это только работа въ скиѳскомъ вкусѣ, которая однако изготовлялась также греками въ черноморскихъ колоніяхъ для сбыта Скиѳамъ. Можетъ ли быть рѣчь о скиѳскихъ мастерахъ-художникахъ, когда мы знаемъ изъ словъ Геродота (II, 167), что и обыкновенныя ремесла у Скиѳовъ не были въ чести? Даже гораздо позже, во времена Бардесана (въ концѣ 2-го стол. по Р. Х.), между Скиѳами, равно какъ и у всѣхъ народовъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, не было ни живописцевъ, ни скульпторовъ, ни строителей (см. U k e r t: Geogr. der Griechen und Römer, III, 2, стр. 304).

Заговоривъ о Скиѳахъ, г. Швабе коснулся и пресловутаго вопроса о ихъ происхожденіи. Обращаясь къ дошедшимъ до насъ греческимъ изображеніямъ Скиѳовъ (на извѣстномъ золотомъ Кульобскомъ сосудѣ и на серебряной вазѣ, открытой въ Чертомыцкомъ курганѣ), сравнивая ихъ съ изображеніями Персовъ на персепольскихъ памятникахъ и бегистунской скалѣ, и основываясь на доводахъ Мюлленгоффа о сродствѣ скиѳскаго языка съ иранскими, онъ готовъ раздѣлить мнѣніе Цейсса объ иранскомъ происхожденіи Скиѳовъ, но не рѣшается произнести окончательный приговоръ въ виду слѣдующихъ вопросовъ: что станетъ въ этомъ случаѣ съ Гиппократовымъ описаніемъ толстыхъ, расплывшихся, безбородыхъ, стереотипно однообразныхъ Скиѳовъ? Чѣмъ объяснить странное сходство скиѳскихъ и монгольскихъ обычаевъ? Какъ порѣшить вопросъ о замѣчательномъ, доказанномъ измѣреніями Бэра, сходствѣ скиѳскихъ череповъ съ башкирскими и черепами, вырытыми изъ древнихъ могилъ восточной Сибири? Не было ли между Скиѳами-Иранцами туран-

¹⁾ Проф. Новоросс. универ. О. Струве, въ статьѣ своей: Археологическія разысканія въ южной Россіи по отчетамъ Импер. Археол. Коммиссіи. Одесск., 1867 (изъ VI-го т. Запис. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей), также говоритъ о мощномъ вліянніи, производимомъ греческими колоніями сѣвернаго побережья Понта на сосѣдніе Скиѳскіе народы.

скихъ племенъ, какъ на Уралѣ Аргиппей? Не подпали ли Скиѣы вліянію этихъ Туранцевъ?

«Теперь (такъ оканчиваетъ г. Швабе рѣчь свою) мы еще не въ состояніи все-сторонне разрѣшить эту великую этнографическо-историческую задачу. Но когда со временемъ раскопки въ развалинахъ бывшихъ греческихъ черноморскихъ колоній и въ приднѣпровскомъ Герросѣ будутъ доведены до конца, когда намъ представится возможность воспользоваться результатами научнаго изслѣдованія азійскихъ языковъ, памятниковъ и другихъ источниковъ историческаго знанія, пока еще едва затронутыхъ, когда намъ возможно будетъ сознать яснѣе, чѣмъ нынѣ, въ какое время и какимъ путемъ азійскія народныя массы переселились въ Европу, — тогда, надѣемся мы, разсѣется и тотъ густой туманъ, который въ настоящее время затрудняетъ уразумѣніе исторической связи, и за которымъ теперь намъ виднѣются мѣстами, какъ горныя вершины, только отрывочные факты, тогда въ полномъ блескѣ удивленнымъ взорамъ нашимъ раскроется роскошный и разнорѣчивый бытъ понтійскихъ народовъ» ¹⁾.

В. Т.

Das Siegeskreuz der byzantinischen Kaiser Constantinus VII Porphyrogenitus und Romanus II und der Hirtenstab des Apostels Petrus. Zwei Kunstdenkmäler byzantinischer und deutscher Arbeit der 10 Jahrhunderts in der Domkirche zu Limburg an der Lahn. Erläutert von Ernst Aus'm Weerth. Herausgegeben vom Vorstande des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande zur Doppelfeier des 25 jährigen Bestehens des Vereins und des Geburtstages Winckelmanns. Mit vier Tafeln und vielen in den Text eingedruckten Holzschnitten. Bonn. Bei Adolf Marcus. 1866. fol. стр. 23.

Константинополь, до завоеванія Латинскими крестоносцами въ 1204 году, былъ самымъ укрѣпленнымъ, громаднымъ и великолѣпнымъ, какъ по положенію, такъ и по памятникамъ, городомъ въ Европѣ. Рядъ величественныхъ зданій украшалъ его. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимали церкви: Св. Софіи, съ дворами и колонадами, наполненными статуями св. Апостоловъ, служившая мѣстомъ погребенія византійскихъ императоровъ, Іоанна Крестителя, свв. Сергія и Вакха, Пр. Дѣвы Маріи и т. д.

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы указать читателямъ «Арх. Вѣст.» на статью о томъ же предметѣ д-ра П. Беккера (бывшаго проф. Рихельев. Лицея): «Ausgrabungen in Südrussland», помѣщенную въ «Nordische Revue» IV, 3 Heft. 1865 г. стр. 253—271. Къ сожалѣнію, статья эта, имѣющая многія достоинства самостоятельной критики, — неокончена за прекращеніемъ изданія: она представляетъ только общее обзорѣніе археологическихъ изслѣдованій по понтійскимъ древностямъ и разборъ первыхъ двухъ Отчетовъ Императорской Археологической Коммиссіи (собственно только за 1859 г.); было ли гдѣ издано и обѣщанное на стр. 257 окончаніе разбора — незнаемъ, но жаль будетъ, если критика такого опытнаго знатока понтійскихъ древностей, какъ д-ръ Беккеръ — останется неиздана или неизвѣстна. **А. К.**

За тѣмъ слѣдовали гигантскіе дворцы Буколеонъ и Влахернскій. На главныхъ улицахъ были великолѣпные фонтаны. Ипподромъ былъ музеемъ, на которомъ были собраны и выставлены для народа превосходнѣйшія созданія античнаго искусства. Улицы были окаймлены многоэтажными дворцами частныхъ лицъ. Различныя мѣста города были украшены громадными колоннами съ статуями Константина, Юстиніана и Θεодосія. Жители Византіи носили богатые и разноцвѣтныя одежды. Внутренность церквей и дворцовъ была ослѣпительно украшена золотомъ и драгоценными камнями, мозаикою и пурпуровыми тканями. 12-го апрѣля 1204 года столица византійской имперіи пала, и городъ былъ преданъ грабежу. Множество безцѣнныхъ памятниковъ искусства, накопленныхъ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій, исчезли безвозвратно съ лица земли. Замѣчательнѣйшія статуи древности, отлитыя изъ металловъ, были расплавлены и обращены въ монету. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ грабежъ есть и исторія гибели множества драгоценнѣйшихъ произведеній древнѣйшаго, и, слѣдовательно, самаго великаго періода византійскаго искусства. Особенно церкви и дворцы Византіи послужили неистощимыми рудниками для алчности грабителей: здѣсь хранились драгоценныя иконы въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, сосуды, какъ литургическіе, такъ и царскіе, украшенные драгоценными камнями, паволоки и ткани и т. д. Завѣса, тканая золотомъ и отдѣлявшая алтарную часть въ церкви св. Софіи, была разорвана въ куски; алтарь этой церкви—чудо работы въ благородныхъ металлахъ, былъ разрубленъ на части. На коняхъ и мулахъ грабители вывозили изъ церквей свою добычу. Среди этихъ дикихъ сценъ, религіозный фанатизмъ побудилъ католическое духовенство всего западнаго міра лично предаться грабежу инаго рода — именно грабежу реликвій. Награбленными святынями французское духовенство наполнило церкви въ Ключи, Аміенѣ, Труа, Шалонѣ; Венеціанцы обогатили церковь св. Марка; Генрихъ и Бальдуинъ фландрскіе одарили Нидерланды, епископъ Конрадъ—Гальберштадъ и даже папа Иннокентій III получилъ свою львиную долю. Не малую, незначительную долю византійскихъ святынь получили и при-рейнскія земли отъ маленькаго династа, рыцаря Генриха фонъ Ульмена (Heinrich von Uelmen), котораго замокъ находится на Эйфельской возвышенности. Этотъ рыцарь принесъ въ даръ многимъ при-рейнскимъ церквамъ разныя реликвіи: многіе изъ этихъ даровъ пропали безъ вѣсти; другіе, можетъ быть, до сихъ поръ скрываются въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Только два изъ его приношеній сохранились до нашего времени. Изъ нихъ самый замѣчательный — крестъ византійскихъ императоровъ Константина VII Порфиророднаго и Романа II, сдѣланный изъ древа св. Животворнаго Креста и хранимый въ драгоценномъ эмальированномъ ковчегѣ. Въ грамотѣ отъ 1208 года рыцарь Генрихъ передалъ этотъ ковчегъ, происходившій по всему вѣроятію изъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ, монастырю Штейбенъ, откуда онъ былъ перенесенъ въ Трирскій соборъ, и потомъ странствовалъ изъ крѣпости Эренбрейтштейнъ въ Висбаденъ, а съ 1827 года хранится въ соборной церкви города Лимбурга на р. Ланъ.

Великолѣпно-изданная монографія, заглавіе которой приведено въ началѣ этой статьи, посвящена описанію и изображенію этого капитальнаго произведенія визан-

тійскаго искусства. Нельзя сказать, чтобы оно оставалось до сихъ поръ совершенно неизвѣстно. Еще въ XVII вѣкѣ Лимбургскій ковчегъ описывалъ Бруверъ (Browerus). Въ настоящемъ столѣтіи его надписи и украшенія были объяснены и описаны Кребсомъ, Каноникомъ Ибахомъ и Лабартомъ (*Histoire des arts industriels au moyen-âge* II. стр. 83), но всѣ до сихъ поръ изданные снимки съ этого памятника были или не полны или неудовлетворительны. Настоящая монографія, какъ относительно текста, такъ и изображеній, удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ науки. Нельзя не порадоваться, что литература памятниковъ византійскаго искусства, которымъ западные ученые начали посвящать въ послѣднее время усиленное вниманіе, обогатилась столь тщательно описаннымъ и изящно изданнымъ сочиненіемъ. Авторъ его Г. Аусмвертъ, извѣстный въ Германіи какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковаго искусства, воспитанъ на знаніи классической древности, ея языковъ и филологіи. Но только съ матеріальнымъ вспомошествованіемъ прусскаго правительства Общество Любителей Древности въ прирейнской странѣ могло приступить къ столь роскошному изданію. Монографія издана въ форматѣ фоліо самага большаго размѣра, на прекраснѣйшей бумагѣ. Не говоря о многочисленныхъ полнотипажахъ, которыми украшенъ текстъ, къ нему приложены три превосходно исполненные хромофотографическіе снимки, изъ которыхъ два посвящены Лимбургскому ковчегу, а третій — замѣчательному памятнику нѣмецкаго эмальернаго искусства X вѣка, но котораго мы не касаемся. Четвертая литографированная — но безъ красокъ, таблица посвящена также вышеупомянутому ковчегу. Снимки сдѣланы съ точнымъ сохраненіемъ стиля подлинника. Мелчайшія детали отпечатаны ясно и даже, несмотря на большой форматъ изданія, золотыя линіи тонкихъ и многочисленныхъ очертаній переданы отчетливо. Желая познакомить русскихъ читателей съ византійскимъ ковчегомъ, мы опишемъ его, руководясь новоизданною монографіею. Знакомство съ этимъ памятникомъ важно для насъ въ двоякомъ отношеніи: византійскій ковчегъ есть важный памятникъ въ иконографическомъ отношеніи и важенъ преимущественно для иконографіи ангеловъ. Во вторыхъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ византійскаго искусства, которое было источникомъ древне-русскаго искусства. Изучая начало нашего искусства, мы всегда принуждены восходить къ его византійскимъ первообразамъ.

Цѣль, для которой былъ устроенъ византійскій ковчегъ, нами разсматриваемый, была — хранить достойнымъ образомъ побѣдоносный палладіумъ византійскихъ императоровъ, который носили въ битвахъ противъ враговъ имперіи, — крестъ рѣзанный, изъ древа св. Животворящаго Креста. Самый ковчегъ состоитъ изъ плоскаго ящика, четвероугольной и продолговатой формы съ выдвижною крышкою. Ящикъ имѣетъ въ вышину 60, а въ ширину 45 сантиметровъ. Онъ сдѣланъ изъ твердаго дерева, темнаго цвѣта. Бока и низъ ящика покрыты серебрянымъ окладомъ съ разными орнаментами. Крыша же ящика и, если выдвинуть крышу, открывающаяся глазамъ поверхность внутренности его покрыты золотыми окладами, на которыхъ находятся эмальированныя изображенія, придающія необыкновенное значеніе этому произведенію. На этихъ то двухъ доскахъ византійскаго ковчега мы сосредоточимъ наше

вниманіе, оставляя въ сторонѣ описаніе всѣхъ прочихъ его орнаментовъ и украшеній. Но прежде взглянемъ на самый крестъ, хранящійся въ ковчегѣ.

По формѣ этотъ крестъ --- есть византійской двойной крестъ, т. е. имѣющій двѣ поперечныя перекладины. Въ поверхности внутренности ящика вырѣзано углубленіе, совершенно схожее съ формою креста, такъ что его было весьма удобно туда владать: въ этомъ то углубленіи хранится святыня. Самый крестъ, позднѣе нѣсколько измѣненный въ своей формѣ, лишился и нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ своихъ украшеній. На оборотной сторонѣ креста находится надпись въ стихахъ, состоящая изъ девяти строкъ, на греческомъ языкѣ. Она называетъ виновниками украшеній креста императоровъ Константина и Романа. Оба въ надписи имѣютъ тотъ же санъ и обозначены обычнымъ византійскимъ царскимъ титуломъ: деспотъ. Стихи говорятъ, что они изукрасили крестъ прозрачными драгоценными камнями и жемчугами и съ помощью его побѣждаютъ смѣлость враговъ. Вотъ почему Г. Аусмвертъ имѣлъ полное право назвать этотъ крестъ побѣдоноснымъ — *das Siegeskreuz*. Въ походахъ или битвахъ его несли на высокомъ древкѣ, такъ что войско могло его издали видѣть. Изъ историческихъ соображеній авторъ вывелъ то заключеніе, что названные въ надписи императоры суть Константинъ VII Порфирородный (913 + 959) и его сынъ Романъ II, приобщенный отцемъ къ правленію въ 948. Такимъ образомъ время происхожденія этого креста Аусмвертъ относитъ ко времени ихъ соправительства отъ 948—959, такъ что эпоха изготовленія креста не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Объ опредѣленныхъ какихъ либо побѣдахъ, которымъ содѣйствовалъ этотъ крестъ, надпись не говоритъ: она просто гласитъ, что этотъ палладіумъ служить (въ настоящее время) для побѣжденія смѣлости враговъ. Сообразно обычаямъ того времени, реликвию, какъ покровительственная сила, брались на войну, въ походы и т. д. Такъ Романъ Лекапенъ облекъ себя въ одежду Пресв. Дѣвы, чтобы въ этомъ облаченіи успѣшно вымолить миръ у Болгаръ, окружавшихъ врата Константинополя.

Но и время изготовленія важнаго въ археологическомъ отношеніи ковчега и двухъ его золотыхъ досокъ съ эмальированными изображеніями столь же мало подвержено сомнѣнію. На крышѣ ковчега находится надпись въ восьми стихахъ, повторенная и на внутренней доскѣ, на греческомъ языкѣ, начертанная большими прописными буквами, которая говоритъ, что Василій Проэдръ въ глубокомъ благочестіи своемъ изукрашилъ ковчегъ. Этотъ Василій Проэдръ былъ сынъ императора Романа II. Второй мужъ его матери, Никифоръ Фока, недопускалъ до престола и возвысилъ его (или, лучше сказать, низвелъ), даровавъ ему первую придворную должность Проэдра. Отецъ его, Романъ II, умеръ, когда Василию было пять лѣтъ (963) и только въ 976 году онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Василія II. Слѣдовательно, ковчегъ для вышеозначенной святыни былъ изготовленъ, по его порученію, между годами 963—976. Это былъ самый блестящій въ исторіи византійскаго искусства періодъ изготовленія картинъ, исполняемыхъ разноцвѣтными эмалевыми красками на золотомъ полѣ.

Перейдемъ къ описанію исполненной этимъ процессомъ внутренней доски ковчега, въ углубленіи которой лежитъ крестъ. Какъ почетною стражею, святыня окружена изображеніями десяти ангеловъ, изъ которыхъ четыре верхніе ангела исполнены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ шесть нижнихъ. По ученію Діонисія Ареопагита они суть діаконы Божіи. За исключеніемъ одного, главу ихъ окружаетъ свѣтло голубое сіяніе; сверхъ того — на главахъ діадемы, украшенныя посрединѣ краснымъ драгоцѣннымъ камнемъ. Волосы ихъ черные, крылья многоцвѣтныя и обувь на ногахъ весьма замѣчательная. Въ рукахъ держатъ они скипетры разнообразной формы и, за исключеніемъ двухъ, земной шаръ, украшенный лиліями. Всѣ облечены въ одежды синяго цвѣта. Но, что въ особенности характеризуетъ четырехъ верхнихъ и двухъ среднихъ изъ числа шести нижнихъ ангеловъ, есть накидная одежда, похожая на длинный шарфъ и заимствованная съ одежды римскихъ консуловъ, которыхъ изображенія мы находимъ на диптихахъ, а также и съ костюма византійскихъ императоровъ. Эта одежда состоитъ изъ куска желтой матеріи, украшеннаго кистями и нашитыми на немъ драгоцѣнными каменьями. Онъ накидывался на плечи и, подобно омофоріону, скрещивался на груди. Одинъ конецъ его ниспадалъ спереди, а другой, обойдя корпусъ справа, носился переброшенный на лѣвой рукѣ.

Возлѣ этихъ стражей креста находятся десять паръ другихъ ангеловъ, изображенныхъ на золотыхъ крышахъ десяти углубленій, врѣзанныхъ въ ту же доску и служившихъ, въ видѣ ящичковъ, для храненія другихъ святынь. Корпусъ четырехъ паръ этихъ ангеловъ, кромѣ головы и оконечностей рукъ и ногъ, прикрытъ четырьмя крыльями, усѣянными глазами. Ангелы имѣютъ вокругъ головы, увѣнчанной діадемою, свѣтло-голубыя сіянія. Между ихъ крыльями и надъ головами помѣщаются символы Евангелистовъ. У ногъ cadaго ангела — два красные шара, съ свѣтло-голубою звѣздою по срединѣ. Красно эмальированныя надписи называютъ ихъ *Ἀρχαί*. Этимъ именемъ обозначался седьмой хоръ въ ряду девяти хоровъ ангеловъ. Другія шесть паръ ангеловъ, изображенные на крышахъ прочихъ углубленій, по надписямъ суть *Ἐξουσίαι*. Корпусъ ихъ совершенно скрытъ отъ взоровъ шестью разноцвѣтными крыльями. Греческія надписи обозначаютъ святыни, хранимыя въ каждомъ вмѣстилищѣ.

Самое богатое украшеніе эмалевою живописью представляетъ крыша ковчега. Средина доски раздѣлена красивыми бордюрами на девять полей. Въ нихъ изображены нижеслѣдующія лица, имена которыхъ обозначены голубыми эмальированными греческими надписями. Въ центрѣ, на богато изукрашенномъ престолѣ, возсѣдаетъ Спаситель. Правая его рука благословляетъ (греческимъ перстосложеніемъ), лѣвая покоится на Евангеліи. Главу Его окружаетъ сіяніе, въ которомъ находится крестъ. Пресв. Дѣва, обыкновенно изображаемая стоящею по правую руку Спасителя, здѣсь представлена по лѣвую сторону, по обыкновенію въ молебномъ положеніи. По правую руку, въ той же позѣ, изображенъ Іоаннъ Креститель, въ одеждѣ темнокоричневаго цвѣта, обшитой голубою каймою. Возлѣ Маріи и Іоанна находятся архангелы Гавріиль и Михаилъ. Костюмъ ихъ, схожій съ костюмомъ «діаконовъ Божіихъ» на внутренней доскѣ ковчега, отличается только необыкновеннымъ изобиліемъ драгоцѣнныхъ

камней, которыми усьяна одежда. Въ правой рукѣ держать они знамена, похожія на императорскій лабарумъ, только вмѣсто монограммы Спасителя, они увѣнчаны лиліями. Обувь весьма своеобразная. Двѣнадцать апостоловъ изображены съ бѣлыми или черными бородами, кромѣ Θомы и Филиппа, изображенныхъ безбрадыми. Эта эмальированная картина окружена богатою рамою филигранной работы и драгоценными камнями. Въ рамѣ же, по угламъ и по срединѣ, находятся шесть эмальированныхъ поясныхъ изображеній. Это — лики трехъ св. воиновъ: Георгія, Θεодора и Евстатія, которые держать въ рукахъ небольшой крестъ и трехъ св. учителей: Николая, Василия и Іоанна Крестителя, съ книгами въ рукахъ. Послѣдній въ надписи поясного изображенія названъ не *πρόδρομος*, но *κῆρυξ*. (Не Іоаннъ ли Евангелистъ?) Впрочемъ не всѣ изъ этихъ поясныхъ изображеній сохранились въ оригиналѣ.

Разсмотрѣнный нами замѣчательный памятникъ византійской эмалевой живописи проливаетъ новый свѣтъ на вліяніе, которое имѣлъ Константинъ V^{II} Порфирородный на развитіе византійскаго искусства. Самый фактъ этого вліянія былъ уже прежде извѣстенъ, какъ изъ собственныхъ сочиненій Императора, такъ и изъ свидѣтельствъ другихъ лицъ. Извѣстно, что онъ провелъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ вынужденномъ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. Живя въ своемъ дворцѣ, императоръ исключительно занимался расписываніемъ заглавныхъ буквъ въ рукописяхъ, писаніемъ небольшихъ иконъ и сочиненіемъ разныхъ книгъ, изъ которыхъ самая извѣстная есть книга: о Церемоніяхъ византійскаго двора, — драгоценный источникъ для византійской археологіи. Но кромѣ личной дѣятельности въ сферѣ искусства, императоръ занимался и устройствомъ выставокъ разныхъ произведеній искусства въ залахъ императорскихъ дворцовъ. Подобныя выставки были въ обычаѣ въ Византіи при большихъ празднествахъ и при приѣмѣ чужестранныхъ посольствъ. Вслѣдствіе восточнаго характера византійскаго двора и византійское искусство, направленное на увеличеніе внѣшняго блеска, получило тотъ же характеръ и полюбило блескъ и богатство изукрашеній. Въ Византіи въ особенности поощрялось изготовленіе драгоценныхъ одеждъ, украшенныхъ живописными изображеніями, ковровъ, произведеній золотыхъ дѣлъ мастерства и всѣхъ зависящихъ отъ послѣдняго рода украшеній, напр. драгоценными камнями, филигранною работою и эмалью. Поэтому эти вѣтви художественныхъ ремеселъ, въ слѣдствіе историческихъ причинъ, всего болѣе процвѣтали въ Византіи во второй половинѣ X-го вѣка, особенно эмалевая живопись. Разсмотрѣнный нами византійскій ковчегъ, по совершенству технического исполненія, есть высокое произведеніе этой цвѣтущей эпохи и краснорѣчивое свидѣтельство процвѣтанія живописи. Эмалевая живопись, покрывающая двѣ доски этого ковчега, исполнена съ изумительнымъ искусствомъ и тонкостью работы процессомъ, называемымъ *émail cloisonné*: всѣмъ извѣстно значеніе этого термина¹⁾). Художники этого произведенія употребили двѣнадцать красокъ для своихъ картинъ: разнообразіе удивительное! Авторъ настоящей монографіи отлично характе-

¹⁾ См. нашу статью: Исторія византійской эмали, въ первой книжкѣ Лѣтописей проф. Тихонравова.

ризировалъ и описалъ исполненіе и техническія достоинства этого памятника (стр. 11 и 12). Разсматривая съ этой точки зрѣнія эмали византійскаго ковчега, онъ убѣдился, что обѣ эмалированные доски исполнены въ одно время, но двумя въ различной степени искусными художниками. Превосходство этого памятника было такъ признаваемо въ средніе вѣка, что ему подражали рейнскіе эмальеры, чему авторъ приводитъ любопытный примѣръ (стр. 14).

Наконецъ Г. Аусмвертъ описываетъ и передаетъ въ снимкѣ еще неизданный памятникъ византійскаго искусства, совершенно схожій, хотя и меньшихъ размѣровъ, съ побѣдоноснымъ крестомъ императоровъ Константина VII Порфиророднаго и Романа II. Это простой золотой крестъ, тоже украшенный финифтью и драгоценными камнями. Возстановляя неполную, попорченную греческую надпись, находящуюся на этомъ крестѣ, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что крестъ есть произведеніе рукъ самого императора. Извѣстно, что Константинъ Порфирородный былъ самъ ревностнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и предположеніе нашего автора болѣе чѣмъ вѣроятно. Первобытному ковчегу, въ которомъ хранился этотъ крестъ, можетъ быть, принадлежать два золотыя рельефныя изображенія св. Константина и Елены, снятыя на стр. 14 настоящей монографіи.

К. Гёрцъ.

Старина русской Земли. Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Москва. Въ Синодальной типографіи, на Никольской улицѣ. 1867. 36 стр. въ м. 4-ую д. л.

Мы привели заглавіе сочиненія, о которомъ уже было говорено въ первой книжкѣ «Археологическаго Вѣстника» по случаю перваго его изданія. Кромѣ того пишущимъ эти строки было о немъ сказано нѣсколько словъ въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» (Т. VI, Отд. 2, стр. 228—31). Хотя второе изданіе весьма мало различается отъ перваго, мы однако не считаемъ лишнимъ упомянуть о «Русской Старинѣ» и въ настоящее время, именно потому, что сочувствуя цѣли, для которой она издана, не можемъ не сожалѣть о томъ, что не имѣемъ возможности заявить объ исправленіи прежнихъ ея недостатковъ, даже ни одного. Замѣченное нами различіе обоихъ изданій столь незначительно и при томъ только внѣшнее. Состоитъ оно въ слѣдующемъ: 1) второе изданіе печаталось не въ той типографіи, въ которой печаталось первое, при чемъ однако подобранъ почти одинаковый шрифтъ; 2) на стр. 10 помѣщенъ рисунокъ, котораго нѣтъ въ первомъ изданіи (именно, внутренность древней могилы въ Даніи), 3) на стр. 11 въ первомъ столбцѣ, въ выносѣ прежнее примѣчаніе въ 4 строки измѣнено и данъ ему объемъ 8 строкъ. Кромѣ этихъ незначительныхъ отличій втораго изданія отъ перваго намъ не удалось встрѣтить другихъ, относящихся къ содержанію, развѣ только одного. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ теперь отказался отъ мнѣнія, высказаннаго имъ въ первомъ изданіи на счетъ способа хороненія сожигаемыхъ труповъ, которые онъ прежде считалъ возможнымъ класть

въ могилы на корточкахъ. Но за то онъ не могъ отказаться отъ своихъ оригинальныхъ взглядовъ на первоначальное развитіе человѣческой культуры и отъ повторенія прежнихъ экскурсій въ область этимологіи, чтобы снова намъ поднести тѣ рѣдкіе цвѣтки, которые были имъ собраны уже въ первомъ изданіи.

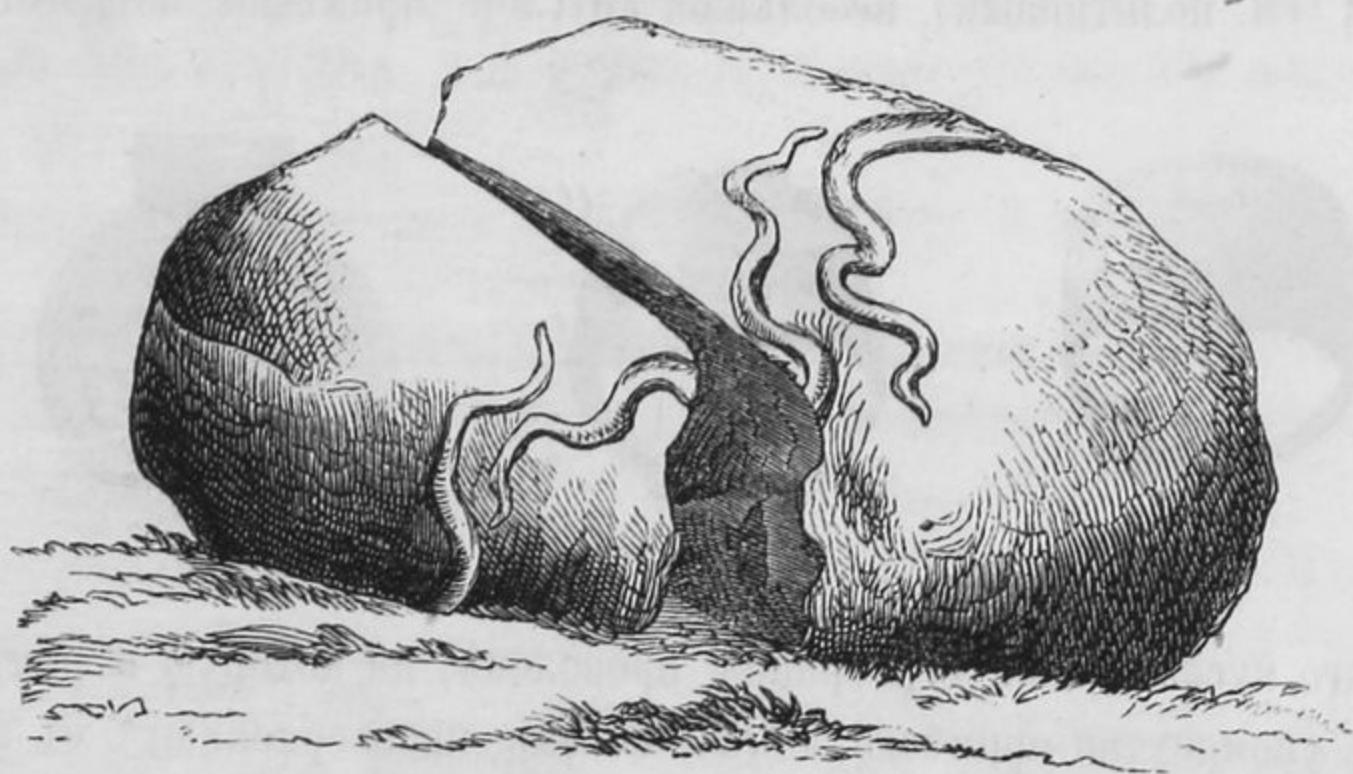
Увидавъ первое свое изданіе черезъ полгода распроданнымъ, авторъ приступилъ къ возобновленію его, вѣроятно въ томъ убѣжденіи, что оно въ неизмѣненномъ видѣ разойдется и вторично. Мы уже по поводу перваго изданія выразили наше сожалѣніе о томъ, что текстъ не сокращенъ на половину и поэтому въ настоящемъ случаѣ позволяемъ себѣ увѣрить автора, что причина успѣха его книжки передъ публикою заключается не въ текстѣ, а въ рисункахъ, которые помѣщены въ ономъ и частію заимствованы имъ изъ изданій, мало распространенныхъ въ Россіи, частію сообщены ему изъ необнародованныхъ матеріаловъ. Мы отъ души желаемъ, чтобъ и настоящее второе изданіе разошлось въ столь же не продолжительное время, какъ и первое; желаемъ мы этого конечно въ той надеждѣ, что при третьемъ изданіи авторъ приметъ въ расчетъ требованія науки и потребности читателей, постаравшись удалить изъ нея все лишнее и неосновательное. Подобная воздержанность отъ ученыхъ порывовъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать той скромности, съ которою авторъ «Русской Старины» по настоящее время скрываетъ отъ публики свое имя.

П. Л.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Графъ Е. П. Тышкевичъ доставилъ намъ рисунокъ любопытнаго памятника литовской старины: камня съ изображеніемъ трехъ змѣй. Представляя здѣсь этотъ рисунокъ, даемъ мѣсто и объясненію гр. Е. П.

«Дикій гранитный камень съ изображеніемъ трехъ змѣй находился прежде около мѣстечка Рогова (лит. Rogas -олтарь) Ковенской губерніи, вилькомирск. уѣзда надъ рѣкою Невяжа, камень назывался Жалтисъ (лит. Zaltis -змѣя) и былъ предметомъ суевѣрнаго поклоненія не только древнихъ языческихъ Литовцовъ, но простолюдиновъ нашего времени Жалтисъ въ миѳологіи Литвы и Жмуйди былъ божествомъ домашнимъ и владѣлъ даромъ лѣченія болѣзней. Вообще Литовцы поклонялись живымъ змѣямъ и держали ихъ въ домахъ своихъ не только до введенія Христіанства (что случилось для Литвы въ 1386 г., а для Жмуйди въ 1418 г.), но и гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ еще упоминанія о подобныхъ случаяхъ, какъ напр. въ селѣ Лаваришкахъ (въ 30 верст. отъ Вильны) — у всякаго крестьянина содер-

жались еще домашнія змѣи. Древніе Литовцы вѣрили въ высокую мудрость змѣи и приписывали имъ даже безсмертіе, такое суевѣріе находило пищу еще и въ томъ простомъ явленіи, что змѣи ежегодно мѣняли кожу. Памятникъ этотъ — есть почти единственное, доселѣ сохранившееся изображеніе литовскаго божества, онъ — длиной $2\frac{1}{4}$, шириной $1\frac{1}{4}$, а вышиной — $\frac{3}{4}$ аршина. Въ 30-хъ годахъ его перевезли въ имѣніе гр. Чапскаго Кейданы (ковенск. губ.), гдѣ и понынѣ находится; при неосторожной перевозкѣ онъ былъ разбитъ на двѣ половины. Имѣніе Кейданы въ 1863 году поступило въ вѣдѣніе правительства».

— Къ небольшому числу кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Кіевской губерніи (см. Археологическій Вѣстникъ, стр. 42), въ настоящее время присоединяется интересная находка, сдѣланная еще въ 1863 году, въ самомъ Кіевѣ, на кладбищѣ Іорданской церкви. Находка эта, недавно доставленная въ Археологическую Коммиссію, состоитъ изъ 191 экземпляра куфическихъ диргемовъ IX и X столѣтій, изъ двухъ серебряныхъ перстней, украшенныхъ рѣзными изображеніями (см. политипажи), небольшой круглой привѣски изъ того-же метал-

ла, перегнутаго куска тонкой серебряной проволоки, на которую вѣроятно нанизаны были какъ упомянутая привѣска, такъ и восемь, просверленныхъ съ этою цѣлью, монетъ (изъ числа 191). Всѣ эти вещи, вѣсомъ въ 1 фунтъ 37 зол. 78 долей, заключались въ глиняномъ горшечкѣ, отъ котораго лица, нашедшія кладъ, сохранили только незначительный черепокъ, не позволяющій судить о формѣ всего сосуда. Большую часть монетъ составляютъ саманидскіе диргемы (всего 178 экз.), чеканенные въ Шашѣ, Самаркандѣ, Эндерабѣ, Балхѣ, Нисабурѣ и Мервѣ, при Исмаилѣ сынѣ Ахмеда, Ахмедѣ сынѣ Исмаила и Насрѣ, сынѣ Ахмеда. Остальная часть состоитъ изъ 12 такъ-называемыхъ подражаній саманидскимъ диргемамъ и 1 тагеридской монеты. Считаемо нелишнимъ сообщить краткій перечень всѣхъ монетъ:

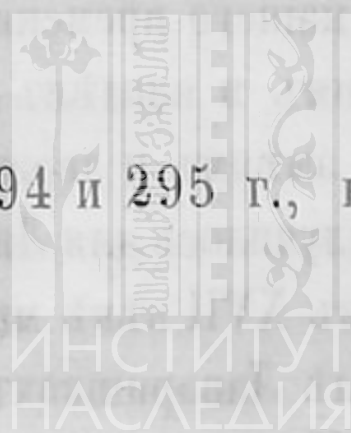
І. САМАНИДЫ.

Исмаилъ, сынъ Ахмеда.

Шашъ 282, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 292, 293, 294 и 295 г., всего 20 экзempl.

Самаркандъ 285, 287, 293 и 294 г., 5 экз.

Нисабуръ, съ потертымъ годомъ, 1 экз.

Балхъ 292 г., 1 экз.

Съ потертымъ мѣстомъ чеканки 291 или 292 г., 1 экз.

Ахмедъ, сынъ Исмаила.

Шашъ 295, 296, 298, 299 и 300 года, всего 16 экз.

Самаркандъ 295, 296, 297 и 299 г., 4 экз.

Эндерабе 298 и 299 года, 2 экз.

Пенджегиръ (?) 299 года, 1 экз.

Насръ, сынъ Ахмеда.

Шашъ 302, 308, 309, 310, 311, 312, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324 и неизв. года, всего 46 экз.

Самаркандъ 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 214, 315, 316, 317, 318, 320, 322, 323, 324 и одинъ съ старымъ лицев. штем-пелемъ 280 года, всего 67 экз.

Нисабуръ 306 и 31* года, 2 экз.

Балхъ 302, 315 и 316 (?) г., 3 экз.

Эндерабе 303 (?), 304, 305 и 308 г., 5 экз.

Мервъ 301 года, 1 экз.

Неизвѣстно гдѣ чеканенныя 300, 309 и 318 г., 3 экз.

II. ПОДРАЖАНІЯ САМАНИДАМЪ.

Грубого неразборчиваго чекана, 12 экз.

III. ТАГЕРИДЫ.

Фарсъ 293 года, 1 экз.

Къ просверленнымъ монетамъ, служившимъ привѣсками, принадлежатъ слѣдующія:

5 Шашскихъ 292, 293, 295, 310 и 312 г.

1 Самаркандская 303 года.

2 Эндерабскія 304 и 308 г.

Во всемъ кладѣ находится только одна неизданная монета — диргемъ Ахмеда, сына Исмаила, чеканенный кажется, въ Пенджегирѣ. Онъ отличается отъ обыкновеннаго саманидскаго типа тѣмъ, что въ круговой надписи лицевой стороны, вмѣсто стереотипнаго выраженія: выбить этотъ диргемъ, читаются слѣдующія слова изобразилъ это..... (накаша гадза....) такой-то. Имя лица мнѣ къ сожалѣнію еще не удалось разобрать, такъ какъ монета дурно сохранилась.

В. Т.

— Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Эстляндской губерніи, близъ Ревеля, на мызѣ Мойкѣ, на футъ глубины въ землѣ, подъ плоскимъ камнемъ, случайно най-

день мѣдный, покрытый мѣдною же крышкою котелокъ, въ которомъ оказались слѣдующія вещи: 1) пять серебряныхъ шейныхъ гривень въ видѣ жгутовъ, сплетенныхъ одинъ изъ 6-ти тройныхъ, другой изъ 3-хъ двойныхъ, третій изъ 4-хъ двойныхъ, четвертый изъ 5-ти одиночныхъ, и пятый изъ 4-хъ одиночныхъ, болѣе или менѣе толстыхъ, проволоки; 2) пять серебряныхъ, украшенныхъ рѣзьбою пряжекъ или застежекъ, имѣющихъ форму подкова, съ передвѣжнымъ язычкомъ или булавкою; къ одной изъ этихъ пряжекъ сверху припаяно изображеніе креста; на другой верхнее украшеніе обломано; 3) шесть серебряныхъ браслетовъ, которые состоятъ изъ тонкихъ, дугообразныхъ пластинокъ, къ концамъ суживающихся; 4) множество обломковъ отъ подобныхъ же гривень, пряжекъ и браслетовъ, 5) два мѣдныхъ украшенія отъ рукоятки меча, съ рѣзными изображеніями, и 6) — нѣсколько обломковъ отъ какой-то мѣдной вещи, неизвѣстнаго назначенія. Древности эти однородны съ вещами, изображенными въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Ворсо: Сѣверныя древности корол. музея въ Копенгагенѣ (№ 216, 217, 454, 456, 457), Крузе: *Necrolivonica* (табл. I, i, k; II, l, m; IV, M; V, 2; VII, 4; XI, 6; XVII, 11; XXVI, 2; XXVII, 5; XL, 1; LI—LII, 2, 8, 9) и Бера: *Die Gräber der Liven* (табл. VIII, 6; XIII, 5; XVIII, 1).

Нѣтъ сомнѣнія, что Эстское Ученое Общество въ Дерптѣ, зорко слѣдящее за открытіемъ мѣстныхъ древностей, не преминетъ издать подробное описаніе и рисунки означенныхъ вещей.

В. Т.

— Въ засѣданіи 15 февраля 1867 года, Прусскаго Археологическаго Института въ Римѣ, извѣстный изслѣдователь римскихъ катакомбъ Дж. Б. де Росси представилъ на разсмотрѣніе гг. членамъ исполненные подъ его руководствомъ большіе карты, изготовленные для всемірной выставки въ Парижѣ. На первой изъ нихъ нанесены слѣды доисторической культуры, найденной на почвѣ древняго Лаціума (*Latium*); на двухъ другихъ представлены результаты изслѣдованій г. де Росси о топографіи римскихъ катакомбъ.

— Въ Римѣ, въ декабрѣ прошлаго года, открыто было подъ развалинами древней базилики Св. Климента, на которой сооружена нынѣшняя церковь во имя того же святаго, принадлежащая XI вѣку, капище Митры (*Mithreum*).

ВТОРОЙ СЪѢЗДЪ ПО ДОИСТОРИЧЕСКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ И АНТРОПОЛОГИИ, ВЪ ПАРИЖѢ, ВЪ 1867 г.

Во время настоящей всемірной выставки, на которой, какъ извѣстно, особый отдѣлъ посвященъ произведеніямъ, характеризующимъ различныя эпохи въ исторіи человѣческаго труда, въ Парижѣ 5 (17)-го августа будетъ открытъ второй международный съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологии (*Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques*). Первое собраніе ученыхъ

для этой цѣли было не дальше, какъ въ прошломъ году въ Невшателѣ подъ названіемъ *Congrès paléonthnologique*. Мысль о подобныхъ ежегодныхъ сѣздахъ возникла на собраніи Итальянскаго Общества Естествознанія въ 1865 году въ Специи (*la Spezia*); см. *Mortillet Matériaux pour l'histoire de l'homme*, 2-e année, стр. 213—215. Прошлогоднее невшательское собраніе, подъ предсѣдательствомъ Э. Дезора, продолжалось 4 дня, съ 10 (22) по 13 (25) августа. Въ немъ, кромѣ Дезора, участвовали Карлъ Фогтъ, Эд. Дюпонъ (*Dupont*) — извѣстный и счастливый изслѣдователь бельгійскихъ пещеръ, Форель, Мортилье, покойный Тройонъ, Александръ Бертранъ редакторъ парижской *Revue archéologique*, Ружмонъ (*Rougemon*), краіологи Эккеръ (*Esker*) и Гисъ (*His*) и многіе другіе. Протоколы этой сессіи сообщены секретаремъ сѣзда, Мортилье, въ его журналѣ *Matériaux pour l'histoire de l'homme*, 2-de année стр. 489—528. Самыми важными и интересными сообщеніями на невшательскомъ сѣздѣ сдѣланы бельгійцемъ Дюпономъ, именно о произведенныхъ имъ, по порученію бріюссельской академіи, раскопкахъ въ бельгійскихъ пещерахъ, въ которыхъ сохранились слѣды весьма древняго быта человѣка.

Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя правила и программу парижскаго сѣзда по доисторическимъ древностямъ и антропологіи, засѣданія котораго будутъ продолжаться съ 5 (17) по 18 (30) августа.

Всякое лицо, интересующееся успѣхами науки, можетъ участвовать въ сѣздѣ, уплативъ 10 франковъ. Росписка казначея сѣзда въ уплатѣ послѣднихъ даетъ право на полученіе членскаго билета для сѣзда и всѣхъ его изданій.

Корреспонденты учредительнаго комитета и всѣ лица, сочувствующія изслѣдованіямъ, входящимъ въ кругъ засѣданій сѣзда, приглашаются къ возбужденію въ кругу своемъ участія въ ономъ.

Намѣревающимся участвовать въ сѣздѣ просятъ доставить въ возможно скоромъ времени свои взносы казначею сѣзда, г. Э. Колломбу (*E. Collomb, Rue de Madame, 26*), съ подробнымъ сообщеніемъ фамиліи, имени, званія и мѣста жительства. Эти подробности необходимы для составленія списка членовъ и приготовленія для нихъ билетовъ. Послѣдніе и подробная программа сѣзда будутъ раздаваться съ 10 по 16 августа (29 іюля по 4 августа) отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ по полудни, у секретаря г. Мортилье, (*Gabriel de Mortillet*), *Rue de Vaurigard, 35*, а *l'angle de la Rue de Madame* въ Парижѣ.

На основаніи VII-ой статьи общаго устава, Учредительный Комитетъ назначилъ 6 вопросовъ для очередныхъ преній въ слѣдующіе дни:

I. Въ воскресенье, 6, (18) августа: При какихъ геологическихъ обстоятельствахъ, среди какой фауны и какой флоры усмотрѣны въ различныхъ странахъ земнаго шара древнѣйшіе слѣды быта человѣческаго? Какія перемѣны могли съ того времени произойти въ распредѣленіи суши и воды въ данной странѣ.

II, Во вторникъ, 8 (20) августа. Было ли обитаніе въ пещерѣ обще-распространеннымъ? было ли оно въ обычаѣ у одной человѣческой породы и слѣдуетъ ли его отнести къ одному и тому же періоду времени? Въ противномъ случаѣ, какія подраздѣленія принять для эпохи обитанія человѣкомъ пещеръ и какія могутъ быть указаны отличія каждаго изъ этихъ подраздѣленій?

III. Въ четвергъ, 10 (22) августа. Памятники, сооруженные изъ большихъ камней, оставлены ли населеніемъ, которое по очередно занимало различныя страны? Въ послѣднемъ случаѣ по какому пути слѣдовало передвиженіе этого населенія? Можно ли указать постепенные его успѣхи въ искусствахъ и промышленности? Наконецъ, какія могли существовать отношенія между этимъ населеніемъ и поселеніями сваестроителей съ подобною промышленностью?

Въ субботу, 12 (24) августа. Употребленіе бронзы на западѣ — есть ли слѣдствіе мѣстной промышленности или нашествянаго завоеванія, или новыхъ торговыхъ сношеній?

V. Въ понедѣльникъ, 14 (26) августа. Какія существуютъ въ различныхъ странахъ Европы главнѣйшія черты ранней эпохи желѣзнаго вѣка? Предшествовала-ли эта эпоха историческимъ временамъ?

VI. Въ среду, 16 (28) августа. Какія имѣются данныя на счетъ анатомическихъ свойствъ человѣка во времена доисторическія, съ древнѣйшей эпохи до появленія желѣза? Можно ли указать послѣдовательное появленіе многихъ человѣческихъ породъ, въ особенности въ западной Европѣ и можно ли опредѣлить эти породы?

Относительно россійскихъ странъ, по отсутствію достаточнаго числа данныхъ, трудно отвѣчать на выше приведенные вопросы, кромѣ пятаго, потому что нѣсколько раскопокъ у насъ свидѣтельствуютъ объ эпохѣ первоначальнаго употребленія желѣза въ различныхъ частяхъ Россіи. Памятники же, свидѣтельствующіе объ употребленіи каменныхъ и бронзовыхъ орудій, пока были находимы болѣе случайнымъ образомъ, нежели вслѣдствіе систематическихъ раскопокъ.

II. Л.

— Убѣжденные печальнымъ опытомъ многихъ поколѣній въ равнодушіи большинства къ памятникамъ отечественной древности и происходящихъ отсюда, часто безвозвратныхъ, утратахъ для науки, считаемъ нашею обязанностью дать мѣсто слѣдующему заявленію отъ Императорской Археологической Коммиссіи (см. Сѣверн Почта, 1867, № 36), присоединивъ къ нему искреннія пожеланія добраго успѣха:

«Почти во всѣхъ губерніяхъ нашихъ ежегодно, при распашкѣ полей при устройствѣ дорогъ и производствѣ разныхъ другихъ земляныхъ работъ, при обвалахъ рѣчныхъ береговъ, послѣ сильныхъ проливныхъ дождей или по убыли воды разлившихся рѣкъ, открываются различныя древности, относящіяся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

«Не смотря на существующія у насъ узаконенія о сохраненіи находимыхъ древностей, изложенныя въ прилож. къ ст. 539, ч. 1 т. X св. гражд. законовъ, изъ всѣхъ такихъ случайныхъ находокъ только самая незначительная доля поступаетъ въ государственныя древнехранилища и дѣлается достояніемъ науки; болѣею же частью онѣ или совершенно пропадаютъ, или слухи о нихъ появляются долгое время спустя послѣ открытія, когда уже нѣтъ никакой возможности не только отыскать найденныя вещи, но и собрать надлежащія свѣдѣнія о томъ, что найдено, и о ближайшихъ обстоятельствахъ, при которыхъ сдѣлана была находка.

«Между тѣмъ всѣ такія находки, какъ бы ничтожны иногда онѣ ни казались, имѣютъ въ научномъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе и требуютъ самаго тщательнаго сохраненія и описанія.

«По этому Императорская археологическая коммиссія покорнѣйше проситъ всѣхъ, кому представится случай, либо самимъ открыть какіе бы то ни было остатки древности (какъ-то: каменные орудія, костяныя, глиняныя и металлическія издѣлія, надписи, монеты и т. д.), либо узнать о находкѣ такихъ вещей другими, тотчасъ же извѣщать коммиссію о сдѣланныхъ открытіяхъ и, если не представится какихъ-либо особыхъ затрудненій, переслать ей и самыя вещи или по крайней мѣрѣ доставить ей подробное и обстоятельное ихъ описаніе, а въ случаѣ возможности и рисунки.

«При этомъ коммиссія считаетъ долгомъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты:

«1. Случайно открытыя древности находчикъ не обязанъ уступать бесплатно, но если пожелаетъ продать ихъ, то получаетъ за нихъ соотвѣтственное денежное вознагражденіе, а именно не только цѣну по дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вещества, изъ котораго онѣ сдѣланы, но и особую добавочную сумму, сообразную съ степенью древности и рѣдкости найденныхъ вещей.

«2. Древности, которыя находчикъ пожелаетъ оставить за собою или коммиссія почему-либо не признаетъ нужнымъ пріобрѣсти, будутъ возвращаемы по принадлежности, съ оплатою всѣхъ расходовъ по сему случаю.

3. «Найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно въ археологическую коммиссію, на имя предсѣдателя ея, графа Сергія Григорьевича Строгонова (въ С.-Петербургѣ, у Полицейскаго моста, домъ № 17), или чрезъ мѣстные статистическіе комитеты, съ которыми она, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

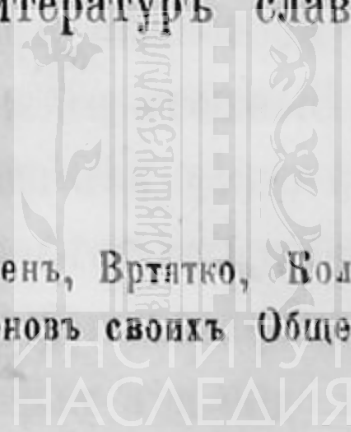
— Московское археологическое общество не могло не принять участія въ общемъ привѣтѣ, съ какимъ встрѣчены были представители южныхъ и западныхъ Славянъ, пріѣхавшіе упрочить свои связи съ русской землей: ревнуя о высшемъ благѣ науки, заботясь объ успѣхахъ ея и видя прочныя залогі этихъ успѣховъ въ нравственномъ союзѣ Славянъ, оно привѣтствовало ихъ тѣмъ съ большимъ правомъ, что идея славянскаго возрожденія, науки и взаимности родилась изъ археологическихъ стремленій, возмужала подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Приводимъ здѣсь привѣтствіе С. М. Соловьева, обращенное къ Славянамъ отъ имени Московскаго Археологическаго Общества на соединенномъ собраніи (18-го мая) Московскаго университета и Московскихъ ученыхъ и художественныхъ обществъ.

«Московское Археологическое Общество привѣтствуетъ родныхъ, дорогихъ гостей. Бываютъ въ жизни народовъ времена, когда потребность самопознанія становится одною изъ главныхъ духовныхъ потребностей. По всѣмъ признакамъ, такое время, время зрѣлости, наступаетъ для нашего народа; занятія отечественною исторіей и археологіей получаютъ важное значеніе, привлекаютъ особенное сочувствіе. Какъ одно изъ выраженій этой потребности народнаго самопознанія, является и

Московское Археологическое Общество, которое имѣетъ цѣлю изслѣдованіе археологій вообще и преимущественно русской. Но Общество, предположивъ себѣ эту цѣль, имѣло ясное сознаніе, что успѣшное занятіе русскою археологіей невозможно безъ усерднаго занятія археологіей славянскою, и восемь именъ славянскихъ ученыхъ украсили списокъ его членовъ *). Было время, когда ученые тратили много времени, проводили много безсонныхъ ночей для открытія философскаго камня, элексира жизни и т. п. Теперь наука, при своей зрѣлости, оставила подобныя мечты. Теперь многіе ученые также занимаются, повидимому, страннымъ дѣломъ, роются въ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ извлекать изъ нея драгоцѣнности въ общемъ смыслѣ: для нихъ драгоцѣнность — надгробная надпись, какая-нибудь уцѣлѣвшая вещь изъ быта прошедшихъ поколѣній. И эти ученые не проходятъ мимо своей цѣли, подобно искателямъ философскаго камня или элексира жизни; они ищутъ жизни и находятъ ее; съ запросами духа, науки, обращаются они къ могиламъ, и могилы отвѣчаютъ имъ живыми глаголами. Отдѣльныя слова, отрывочныя преданія, собранія вещей, изгладанныхъ временемъ, служатъ, благодаря наукѣ, къ созданію живаго народнаго образа, живаго и дающаго жизнь, потому что этотъ образъ просвѣтляетъ сознаніе народа о самомъ себѣ, освѣщаетъ для него его историческій путь. Надежда, что своими посильными, скромными трудами оно можетъ хоть сколько-нибудь содѣйствовать достиженію такой великой цѣли, одушевляетъ наше юное Общество, и, чувствуя, какъ новый духъ жизни вѣетъ надъ Русскимъ народомъ и надъ всѣмъ великимъ славянскимъ племенемъ, оно смѣло рѣшается поднимать трудные вопросы, какъ на примѣръ вопросъ о составленіи археологическаго словаря, вопросъ объ археологическихъ сѣздахъ. Что трудное, неудобноисполнимое прежде становится теперь возможнымъ, доказываетъ пріѣздъ въ Москву представителей славянской науки. Заслышавъ, что въ отдаленномъ стольномъ городѣ сѣвернаго Славянскаго государства задумано общеславянское научное дѣло, они, презрѣвъ дальность пути, поспѣшили собраться сюда къ намъ. Такая изощренная чуткость къ общеславянскимъ духовнымъ интересамъ служить вѣрнымъ признакомъ сильнаго духовнаго развитія; а такъ какъ духъ есть и же живить, то имѣемъ полное право надѣяться, что славное будущее великаго племени обезпечено, основа единства его упрочена. Съ такою надеждой работа самая тяжелая легка и плодovitа; и слава вамъ, братья, что навѣстили вы насъ, своихъ сродниковъ и сотрудниковъ, пришли посмотрѣть, что мы тутъ дѣлаемъ въ великой Русской землѣ, требующей и работы великой, пришли сказать намъ: «Богъ помочь!» Слава вамъ, братья, за ваше доброе дѣло, которое не будетъ пропущено въ лѣтописяхъ славянской земли; слава вамъ, братья, слава! Въ особенности слава патріарху между славянскими историками, слава Палацкому. Слава старѣйшему славянскому археологу, глубокому знатоку народныхъ литературъ славянскихъ, слава Эрбену!»

*) Изъ присутствовавшихъ на Университетскомъ праздникѣ: Палацкій, Эрбенъ, Врѣтко, Коляръ, Патера, Смоляръ, Головацкій и Я. Шафарикъ. Всѣхъ славянскихъ дѣйств. членовъ своихъ Общество считаетъ 19 и 1-го члена корреспондента.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи. 1867. Январь—Іюнь 6 №.

Всеобщее отвлечение отъ науки въ сферу современныхъ интересовъ — невыгодно отозвалось и на такомъ почтенномъ изданіи, какъ «Православный Собесѣдникъ»: уже прошедшій годъ — сравнительно съ предыдущими — представилъ несравненно меньшій запасъ серьезныхъ статей по общей христіанской и специально русской церковной древности, нынѣшній [1867] — представляетъ ихъ еще менѣе: все важное было начато прежде и теперь только продолжается, таковы: «Дѣянія вселенскихъ соборовъ т. IV продолженіе — (№ 4, стр. 497—576), «Сказанія о мученикахъ христіанскихъ» т. II, начало (№ 1-ой стр. 1—80), «Сказанія о святыхъ христіанскихъ» т. 1-ой, продолженіе (№ 3 стр. 161—240), «Мечеть духовной» — сочиненіе братьевъ Лихудовъ, продолженіе (№ 2-ой стр. 81—160 и № 6, стр. 161—224). Нельзя, конечно, не быть благодарнымъ за помѣщеніе такихъ, важныхъ и въ археологическомъ отношеніи, матеріаловъ; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожелать, чтобы во 2-мъ отдѣлѣ журнала снова помѣщались такіа прекрасныя изслѣдованія и такіе важные памятники древне-русской духовной письменности, какіе мы привыкли встрѣчать въ прежнихъ годахъ Православнаго Собесѣдника и которыхъ въ 1-хъ 6-ти книгахъ нынѣшняго года мы находимъ всего 3, именно: «объ отношеніи русскихъ священноцерковнослужителей къ приходамъ въ XVII и XVIII стол.» (№ 1, стр. 6—27), «Очеркъ участія русской Церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII вѣка» (№ 3, стр. 175—219, № 6, стр. 81—165) и «Обзоръ древнихъ постановленій о почитаніи воскреснаго дня» (№ 4, стр. 324—340), остальные статьи посвящены новѣйшей исторіи раскола, полемика съ нимъ и новѣйшему духовному краснорѣчію; мы далеки отъ мысли не признавать интереса первыхъ, умѣстности вторыхъ и поучительности послѣднихъ, но позволяемъ себѣ думать, что никакая полемика не можетъ быть дѣйствительнѣе и убѣдительнѣе той, которая на лицо представляетъ памятники старинной русской письменности, никакое краснорѣчіе не можетъ быть краснорѣчивѣе неподкупныхъ свидѣтельствъ древнерусской религиозной жизни. Что вниманіе къ старинѣ можетъ быть совмѣщено съ интересами современности — это доказалъ «Православный Собесѣдникъ» 10-ю годами своего блестящаго существованія. Владѣя такимъ талантомъ, какъ Соловецкая бібліотека, онъ не скрылъ его въ землю, но обогатилъ русскую историческую и археологическую науку множествомъ драгоценныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, и если мы въ немъ встрѣчаемъ теперь менѣе строгій ученый характеръ, то пожелаемъ, чтобы это было лишь временнымъ отдыхомъ отъ прежней дѣятельности, а не измѣненіемъ въ направленіи, плодотворность котораго оцѣнена и уважена всѣми.

Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande. Heft XLII. Mit 8 lithographischen Tafeln und mehreren Holzschnitten. Bonn A. Marcus. 1867, 256 стр. in. 8°.

Дѣятельное, и уже болѣе 25-ти лѣтъ тому назадъ основанное въ Боннѣ, Общество для изслѣдованія древностей при-Рейнскихъ странъ неутомимо продолжаетъ изданіе своихъ Записокъ, въ которыхъ помѣщаются столь много изслѣдованій, не носящихъ на себѣ специально-мѣстнаго характера. Съ 42-ой книжкѣ своихъ записокъ оно измѣнило и увеличило форматъ своихъ изданій, что выгодно для прилагаемыхъ рисунковъ, весьма тщательно и сообразно съ стилемъ памятниковъ исполняемыхъ. Общество посвящаетъ свои труды преимущественно языческимъ римскимъ и древнохристіанскимъ памятникамъ, находимымъ въ при-рейнскихъ странахъ и средневѣковымъ зданіямъ, возвышающимся на берегахъ этой рѣки. Общество состоитъ въ настоящее время изъ 600 членовъ. Въ недавно изданной 42-ой книги его записокъ для нашихъ читателей въ особенности интересна статья Пр. Дюнцера, въ которой описываются фрагменты древне-христіанскаго сосуда съ изображеніями на немъ, исполненными золотомъ (vetri ornati d'oro), находящіеся въ Кабинетѣ Г. Герштатта въ Кѣльнѣ. Сосудъ котораго срединная часть, къ сожалѣнію, не дошла до насъ, открытъ былъ также въ Кѣльнѣ, гдѣ уже найдены были и другіе сосуды подобнаго рода. Этотъ фактъ служитъ новымъ доказательствомъ, что употребленіе подобныхъ сосудовъ древними христіанами въ агапахъ, не ограничивалось однимъ Римомъ, гдѣ впрочемъ сдѣлано было самое большое число находокъ подобнаго рода въ катакомбахъ. Эти сосуды клали усопшимъ въ могилу, какъ воспоминаніе и свидѣтельство Христіанства усопшихъ. Къ статьѣ приложенъ прекрасный хромофотографическій снимокъ.

Revue de l'art chrétien etc. № 3 et 4. Mars et Avril 1867.

Окончаніе статей объ иконографіи Іоанна Крестителя и Аппаскихъ коврахъ. Весьма интересна статья аббата Тапена (Tapin): de l'origine de la chasuble, которая справедливо возводитъ происхожденіе этой части одежды къ римской тогѣ.

Philologus etc. 25-ten Bandes III Heft.

Не содержитъ въ себѣ статей археологическаго содержанія.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЪ 6-Ю ВЫПУСКАМИ ВЪ ГОДЪ, ВЪ ОБЪЕМѢ 6 ЛИСТОВЪ.

ЦѢНА ТРЕТЬЕМУ ВЫПУСКУ 1 Р. С:

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ВЫПУСКА:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги, ст. П. И. Срезневскаго (съ 5-ю рисунками); Лабарумъ Константина Великаго, ст. П. С. Казанскаго; Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ, ст. А. В. Брыкина; О греческой кормчей древняго состава, ст. арх. Амфилохія (съ рисункомъ); Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи, статьи: П. Ревякина и А. А. Котляревскаго; (съ тремя полиטיפажми); Критика и библиографія, статьи: П. И. Лерха и А. А. Котляревскаго. Археологическія извѣстія и корреспонденція; Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (на оберткѣ); Приложение: Засѣданія Московскаго археологическаго общества № 1, 2 и 3 (съ полиטיפажми).

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ВЫПУСКА:

Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ — статья члена осн. А. С. Уварова. (съ полиטיפажемъ), Два надгробные камня, открытые на Таманскомъ полуостровѣ, — статья чл. осн. К. К. Гёрца (съ рисункомъ), Для исторіи древне-славянскаго наряда, — статья д. чл. д-ра Вильг. Маннгардта. Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, статья д. члена Д. О. Шеппинга (съ рисункомъ), Монеты съ надписью Василія и Ивана Ивановичей, — статья чл. о. Д. П. Сонцова (съ двумя полиטיפажми), Критика и библиографія, статьи чл. о гр. А. С. Уварова о сочиненіи Пипера: „JOHANNES DER TÄUFER IN GRIECHISCHEN KUNSTVORSTELLUNGEN“, статьи: чл. о К. К. Гёрца и д. чл. А. А. Котляревскаго; Археологическія извѣстія и корреспонденція, статьи: г. Падрена де Карне и А. А. Котляревскаго (съ четырьмя полиטיפажми); К. А. Морло, объ археологическихъ трудахъ его, — ст. д. чл. А. А. Котляревскаго. Извѣстія о новыхъ книгахъ археологическаго содержанія (См. на оберткѣ).

ЦѢНА 1 и 2-му ВЫПУСКУ 1-му РУБ. С.

Печатано по опредѣленію Общества.

Типографія Грачева и К^о у Пречистенскихъ воротъ д. Милановой.

